

Г А Л Л Е Р Е Я
ГРАВИРОВАННЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ
ГЕНЕРАЛОВЪ, ОФИЦЕРОВЪ, и проч.
КОТОРЫЕ
МУЖЕСТВОМЪ СВОИМЪ, ВОИНСКИМИ ДАРОВАНИЯМИ,
или
ЛЮБОВІЮ КЪ ОТЕЧЕСТВУ СПОСПѢШЕСТВОВАЛИ
УСПѢХАМЪ РОССІЙСКАГО ОРУЖІЯ
ВЪ ТЕЧЕНІИ ВОЙНЫ НАЧАВШЕЙСЯ
1812 года.

ТЕТРАДЬ.

GALERIE
DES PORTRAITS GRAVÉS
DES GÉNÉRAUX, OFFICIERS, etc.
QUI, PAR LEUR VALEUR,
LEURS TALENS MILITAIRES ET LEUR PATRIOTISME,
ONT CONTRIBUÉ AUX SUCCÈS DES ARMES RUSSES,
PENDANT LA GUERRE COMMENCÉE EN 1812.

4.me CAHIER

ST.-PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMPAGNIE.
1813.

P.^o de Rossi del.^o

J.^o Vendramini sculp.^t

*Таруновъ
Генералъ омъ Кавалеріи.*

*Galitzin
Général de Cavalerie.*

Published October 1814 by J.^o Vendramini N.º 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ ОТЪ КАВАЛЕРІИ

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ
ГОЛИЦЫНЪ.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3го класса, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1й степени; Золотой шпаги украшенной алмазами съ надписью *за храбрость*; Прусскихъ Чернаго и Краснаго Орла, Австрійскаго Маріи Терезіи и Командоръ орденовъ: Св. Іоанна Іерусалимскаго и Военнаго Баварскаго, записанъ былъ въ службу при самомъ почтп рожденіи Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1774 году; по переходѣ изъ онаго въ Конную Гвардію пожалованъ Корнетомъ въ 1786; въ семь же послѣднемъ полку производимъ былъ посшепенно въ слѣдующіе чины и наконецъ въ Ротмистры въ 1794, въ Полковники въ 1796, въ Генераль-Маіоры въ 1798, въ Генераль-Лейтенанты въ 1802 и въ Генералы отъ Кавалеріи въ 1814.

Едва Князь Голицынъ спалъ чувствовать самаго себя, то и началъ размышлять о важности и трудностяхъ того званія, въ которое вступилъ еще прежде, нежели могъ судить о чемъ либо самъ собою. Вскорѣ увѣрился онъ, что

военное искусство не ограничивается одними только механическими дѣйствіями; что одной личной храбрости и смѣлости, при знаніи извѣстныхъ маневровъ, недостаточно для настоящаго полководца; что человекъ, которому опечество ввѣрило судьбу свою, который дѣйствуетъ на пространномъ театръ, гдѣ все безпрестанно перемѣняется, долженъ имѣть великій умъ, чтобы обозрѣть вдругъ всѣ сіи перемѣны, всѣ малѣйшія обстоятельства и обработать ихъ въ пользу своихъ соопечественниковъ, или воспрепятствовать по крайней мѣрѣ, чтобы онѣ не послужили ко вреду ихъ. И такъ не преспавалъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, сперва въ тишинѣ кабинета, а потомъ и на полѣ чести, въ присутствіи непріятеля, занимается изъ любви къ Опечеству съ неутомимымъ прилѣжаніемъ обширнѣйшею и труднѣйшею военною наукою. Убѣжденъ будучи, что ничто столько не способствуетъ къ развитію и усовершенствованію идей, какъ приведеніе ихъ въ порядокъ или въ систему, напечаталъ онъ въ 1788 году въ Парижскомъ журналѣ ученыхъ (*Journal des Savants*) замѣчанія свои на 4 книги Вегеція, а по окончаніи Польской кампаніи 1794 года, издалъ на Французскомъ же языкѣ книгу подъ названіемъ: *Руководство Волонтерамъ* и въ 1802 году на Русскомъ: *Опытъ методическаго наставленія о кавалерійской службѣ*.

Князь Голицынъ началъ воинскіе свои подвиги въ Польшѣ въ 1794 году. Военные труды и опасности нисколько не привели его въ удивленіе, ибо онъ еще прежде имѣлъ объ нихъ весьма справедливое и достаточное понятіе. Спрасть его къ военному искусству усилилась еще въ присутствіи непріятелей и онъ показалъ предъ ними свои свѣденія въ сраженіяхъ при Слонимѣ, Остроленкѣ, Поповѣ, при взятіи Гродно и особенно при штурмѣ Праги, которымъ окончилась сія славная и достопамятная для Россіянъ кампанія.

Въ 1805 году получилъ онъ въ команду корпусъ, составлявшій часть арміи Генерала Беннингсена, которому назначено было соединиться въ Богеміи съ Австрійскимъ корпусомъ и дѣйствовать съ нимъ совокупно на Дунаѣ въ тылъ Французской арміи. Пресбургскій миръ тому воспрепятствовалъ и армія Генерала Беннингсена, проведя зиму въ Силезіи, возвратилась къ своимъ границамъ. Въ то время все войско, при новомъ образованіи, раздѣлилось на 12 дивизій, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ полки всякаго рода. Князь Голицынъ сдѣланъ былъ Командиромъ 4 дивизіи, имѣвшей тогда главную квартиру въ Вильнѣ.

Въ 1806 году Князь Голицынъ находился опять при арміи Генерала Беннингсена, состоявшей въ то время изъ четырехъ дивизій, числомъ всего вообще отъ 50 до 55,000 человекъ. Сей арміи приказано было переправиться чрезъ Нѣмненъ 1 Ноября. По причинѣ несчастій, постигшихъ между тѣмъ Прусскую Монархію, Генераль Беннингсенъ не могъ достигнуть мѣста перваго своего назначенія Саксоніи, что бы составилъ тамъ для Прусской арміи лѣвое крыло. И такъ нашелъ онъ себя принужденнымъ остановиться на Нареви и перенести главную свою квартиру въ Пултускъ. Князю Голицыну дано было тогда приказаніе занять съ опрядомъ, состоящимъ изъ одного пѣхотнаго полка, двухъ конныхъ и батарейной роты деревню Слубеву. Сверхъ того предписывалось ему подкрѣплять, въ случаѣ нападенія, авангардъ, находившійся въ Новѣ-Мясѣ. Новыя распоряженія, имѣвшія цѣлю соединеніе всей арміи при Пултускѣ, гдѣ положено было дать сраженіе, опвели авангардъ въ другую сторону и Князь получилъ уже повелѣніе занять Голломинъ для прикрытія такимъ образомъ большой дороги, ведущей въ Пултускъ и для обеспеченія праваго крыла большой арміи. Получивъ сіе повелѣніе ввечеру, онъ отступилъ

въ ту же самую ночь. Для достиженія Голомина надлежало ему проходитьъ чрезъ болотистыя мѣста и по дорогамъ, распутившимся отъ дождя такъ, что экипажи и пушки увязали въ грязи по самыя спущеныя колеса. Сии неожиданныя препятствія столь много замедлили его маршъ, что непріятельскій авангардъ имѣлъ время приблизиться къ его аванпостамъ, отъ чего отступленіе его сдѣлалось еще затруднительнѣе прежняго. Наконецъ неутомимое его терпѣніе и мужество восторжествовали надъ всѣми препятствіями и онъ достигъ Голомина, но находя себя слишкомъ слабымъ для защищенія ввѣреннаго ему поста, усилилъ свой корпусъ нѣсколькими полками 3й дивизіи, которые остановилъ на маршѣ, и присоединивъ еще къ себѣ два полка дивизіи Генерала Докторова, занялъ позицію впереди деревни. Вскорѣ появились противъ него Маршалы Мюратъ и Ожеро съ двумя соединенными корпусами. Можно ли было противостоятъ столь превосходнымъ силамъ? Хотя успѣхъ и казался совершенно невозможнымъ, однако Князь не отчаявался въ ономъ. Принужденъ будучи замѣнить малочисленность мужествомъ и храбростію, передвигалъ онъ безпрестанно одинъ и тѣ же войска съ одного мѣста на другое и неимоверною своею дѣятельностію привелъ въ изумленіе непріятеля. Сами Французы признались въ потерѣ немалаго числа Офицеровъ, Генераловъ и множества солдатъ, похваляясь однако тѣмъ, будто они имѣли дѣло со всею арміею Графа Буксгевдена. Удержавъ столь мужественно въ продолженіи цѣлаго дня, то есть 12 Декабря свою позицію, Князь получилъ предписаніе соединиться при Маковѣ съ арміею Генерала Графа Буксгевдена и достигъ оной по дорогамъ столь же непроходимымъ, какъ и первыя. Въ то время какъ Генераль Беннингсенъ совершилъ знаменитый свой фланговый маршъ

черезъ покрытую озерами Восточную Пруссію, Князь Голицынъ командуя половиною конницы, имѣлъ многія авангардныя дѣла, занялъ Баршенштейнъ, опиражалъ нѣсколько разъ арріергардъ Маршала Нея и послалъ при Морунгенѣ опъ своего корпуса опрядъ подъ начальствомъ Генераль - Маіоровъ Графа Фонъ деръ Палена и Князя Долгорукаго, которые напали на главную квартиру Маршала Бернадоша, овладѣли его обозомъ и взяли при семъ случаѣ множество плѣнныхъ. Подъ Прейсишъ-Эйлау командовалъ онъ всею кавалеріею: подъ его предводительствомъ оказала она чудеса храбрости. Совершенное почти истребленіе корпуса Маршала Ожеро должно быть опнесено наиболѣе къ благоразумнымъ распоряженіямъ Князя Голицына, который многократно самъ вводилъ свои колонны въ атаку, и воспламеняя войска своимъ мужествомъ, способствовалъ успѣхамъ сего достопамятнаго дня. При Гуншпадѣ принялъ онъ начальство надъ одною колонною, чтобы опрѣзать непріятеля опъ рѣки Пассаржи. Сіе распоряженіе вскорѣ было опмѣнно по многократнымъ требованіямъ Князя Баграціона, неимѣвшего столько силъ, чтобы овладѣть непріятельскими укрѣпленіями, которые надлежало ему сбить. Тогда поспѣшивъ на помощь къ Князю Баграціону съ частію сей самой колонны, многократно ударялъ онъ своею конницею въ непріятельскіе карреи; превосходившіе его числомъ. Довѣренность, внушаемая воинамъ присутствіемъ ихъ предводителя, и испытанное мужество сей славной кавалеріи, увѣнчали столько смѣлыя нападенія желаемымъ успѣхомъ. При Гейльсбергѣ конница его оказала также весьма важныя услуги. Во время опступленія Князь Голицынъ опряженъ былъ съ двумя полками для овладѣнія Фридландомъ и мостомъ на рѣкѣ Аа близъ сего города. Сей пунктъ чрезвычайно былъ важенъ для арміи: ибо она шла вдоль по тому же самому берегу и

Главнокомандующій располагался дать сраженіе подъ стѣ-
нами Фридланда. Между тѣмъ какъ городомъ, такъ и мо-
стомъ овладѣлъ уже непріятель, имѣвшій по крайней мѣрѣ
равныя силы съ Княземъ Голицынымъ, а именно защищали
оба сіи пункта 9 й Французскій Гусарскій полкъ, Саксон-
скій Кирасирскій и нѣсколько эскадроновъ Саксонскихъ же
драгунъ. Сей опрядъ составлялъ авангардъ корпуса Генерала
Удинопа, который находился не въ дальнемъ разстояніи отъ
города. Едва только приблизились наши войска, Князь пош-
часъ приказалъ начать атаку; мостъ и городъ немедленно
были взяты и непріятель, отраженный на двѣ или на три
мили, оставилъ на мѣстѣ сраженія множество убитыхъ и
раненыхъ; нѣсколько сотъ человекъ взято въ плѣнъ побѣ-
дителей. Въ Фридландскомъ сраженіи Князь командовалъ
конницею праваго крыла и попомъ прикрывалъ отступленіе.

Въ 1808 году выступилъ онъ изъ Вильны съ пѣхотою своей
дивизіи въ Финляндію, гдѣ получилъ начальство надъ корпу-
сомъ, стоявшимъ въ Вазѣ, Князь Голицынъ приготовилъ
Кваркенскую экспедицію. Весьма часто обозрѣвалъ онъ самъ
сей морской заливъ и для дальнѣйшихъ развѣдываній отпра-
влялъ къ оному Егерей и Козаковъ, которые руководству-
ясь его приказаніями, достигли наконецъ предположенной
имъ цѣли и привели къ нему однажды Шведскій аванпостъ,
отъ коего получены нужныя свѣденія какъ о силѣ непрі-
ятельскаго корпуса, находившагося тогда въ Умео, такъ и
о положеніи противоположащихъ острововъ. Разстроенное
здоровье и домашнія дѣла принудили его въ 1809 году взять
увольненіе отъ службы.

Въ 1812 году Европа представила всему свѣту зрѣли-
ще, которому не было еще въ Исторіи примѣра: войска уг-
нѣщенныхъ народовъ, полагавшихъ послѣднюю надежду на
Россію, соединились подъ знаменами своего притѣснителя

для разрушенія единственнаго оплота своей независимости съ тѣмъ же самымъ рвеніемъ и мужествомъ, каковыя явили въ послѣдствіи времени подъ покровительствомъ сей великодушной націи для своего собственнаго избавленія. Въ продолженіи сего унизительнаго позорища для человѣчества, Россіяне представили напрошивъ того зрѣлище, дѣлающее оному честь и могущее послужить для него наставленіемъ, даже въ грядущія времена. Они показали, что народъ, въ которомъ лжемудріе не истребило священныхъ началъ истинной любви къ отечеству, Вѣры и вѣрности къ Государю, бываетъ непобѣдимъ, сражаясь за свою Религію, Монарха и Отечество. При первомъ слухѣ о угрожавшихъ Россіи опасностяхъ всѣ Россіяне принялись за оружіе; всѣ просили, какъ милости, позволенія умерить защищая отечество. Вскорѣ подъ знаменами Россіи соединились всѣ воины бывшіе дошолъ въ бездѣйствіи. Князь Голицынъ явился изъ первыхъ и отказываясь отъ всѣхъ правъ на предводительство, приобрѣшенныхъ прежними его подвигами, искалъ одного только счастья сражаться съ врагами своего Отечества. Толикое рвеніе принято было съ благоволеніемъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Покойный Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ ввѣрилъ ему тогда начальство надъ конницею второй Западной арміи. 24 Августа выдержалъ онъ упорное сраженіе, бывшее предвѣстіемъ незабвенной битвы 26 числа того же мѣсяца. Король Неаполитанскій, Князь Понятовскій и нѣсколько дивизій Французской пѣхоты поспѣсивъ Россійскій авангардъ, бросились съ яростию на лѣвое крыло ихъ позиціи, которой не имѣли еще времени укрѣпить. Князь находился весь день въ жесточайшемъ огнѣ; многіе Адъютанты около его были ранены, и подъ нимъ самимъ убила лошадь. Конница его соединила въ семь сраженіи неуспрашимость съ точностію въ маневрахъ, которые произведены были какъ бы на ученіи въ мирное время,

и заслужила чрезъ по должную отъ Главнокомандующаго похвалу. Сраженіе, продолжавшееся до глубокой ночи, кончилось взятіемъ у непріятеля 8 пушекъ и множеству пѣнныхъ; цѣлыя полки Французской пѣхоты были истреблены, и Король Неаполитанскій, по показанію пѣнныхъ, съ великимъ трудомъ могъ собрать свои войска и обративъ совершенное пораженіе. 26 числа Князь Голицынъ командовалъ всею кавалеріею на лѣвомъ флангѣ. Всѣ непріятельскія батареи направлены были на сей флангъ, главнѣйшую цѣль ихъ атаки. Болѣе 200 пушекъ устремлено было на одинъ пунктъ; воздухъ, наполенный сѣрою, пылалъ отъ изверженія столь ужасной артиллеріи; ни что однако не поколебало Русскихъ; тѣлесная сила ихъ подкрѣпляема была силою ихъ духа, превосходящаго всѣ испытанія; мужество ихъ, казалось, возрастало по мѣрѣ усилій непріятеля, алкавшаго похитить у нихъ побѣду. Князь Голицынъ вводилъ самъ полки свои въ атаку и нѣсколько разъ бралъ укрѣпленія, которыя оставлены были при началѣ сраженія. Въ это время убиша подъ нимъ лошадь. Почти цѣлый день держался онъ на краю лѣваго фланга съ одною только своею конницею, не смотря на лѣсистое мѣстоположеніе, противное ея дѣйствіямъ. Онъ находился также въ сраженіи при Гаришинѣ 6 Октября, а 20 числа того мѣсяца прибылъ прежде многихъ другихъ на помощь къ Генералу Докторову подъ Малой Ярославцъ, гдѣ однако по невыгодному мѣстоположенію конница его не могла принять насипящаго участія въ сраженіи и принуждена была выдерживать только огонь непріятельскихъ батарей. Послѣ того Князь Голицынъ былъ опять въ сраженіи при Вязмѣ. 5 Ноября получивъ отъ Фельдмаршала Князя Кутузова приказанія, касательно распоряженій того дня, и имѣя у себя подъ начальствомъ 3й пѣхотный корпусъ, 2ю Кирасирскую дивизію и нѣсколько конныхъ батарей, посѣщилъ онъ изъ главной квартиры на

мѣсто своего назначенія. Вскорѣ появился противъ него непріятель съ превосходными силами и началъ сраженіе. Бонапарте командовалъ шутъ самъ 30,000 человекъ, въ числѣ которыхъ находилась и вся его Гвардія; корпусъ же Князя Голицына состоялъ изъ 8 или 9000 человекъ, но артиллерія его была превосходнѣе. Неудобность мѣстоположенія воспрепятствовала точному исполненію предначертаннаго плана, и весь успѣхъ сего сраженія принадлежишь одному Князю Голицыну, который началъ и кончилъ оное безъ содѣйствія другихъ корпусовъ. Бонапарте видя, что многіе его Гвардейскіе полки совершенно были истреблены, обратился въ бѣгство со своими Генералами и съ Принцемъ Евгениемъ Богарне. Побѣдитель взялъ 35 пушекъ и 7000 плѣнныхъ, не считая шѣхъ, которыхъ во время сраженія разсѣялись по лѣсамъ и взяты были послѣ того въ плѣнъ прочими корпусами Россійской арміи. Около четырехъ часовъ вечера занялъ онъ городъ Красной, и овладѣлъ таковымъ образомъ большою дорогою, поставилъ на оной свою кавалерію, чѣмъ отрѣзалъ совершенно корпусъ Маршала Нея. Въ сраженіи, бывшемъ 6 числа Князь Голицынъ соединился съ Генераломъ Милорадовичемъ, занялъ лѣвое крыло позиціи и благодарными своими распоряженіями весьма много способствовалъ къ одержанію побѣды.

Въ 1813 году, въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ выдержалъ онъ жесточайшій бапарейный огонь. По возобновленіи военныхъ дѣйствій послѣ перемирія во время котораго войска расположены были въ Силезіи, Князь Голицынъ находился въ разныхъ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и командовалъ тогда всею резервною конницею, состоявшею изъ Гвардейской кавалеріи и двухъ Кирасирскихъ дивизій. 17 Августа, вышедши изъ горъ, подкрѣпилъ своею конницею Графа Остермана. Около пяти часовъ по полудни, когда сей

послѣдній былъ раненъ, Князь принялъ вмѣсто его начальство и выдержалъ сраженіе до наступленія ночи. По прибытіи Главнокомандующаго возвратился къ своему корпусу, занимавшему равнину на правомъ крылѣ позиціи. 18 числа началъ онъ опять сраженіе, опрокинулъ лѣвое крыло непріятеля, взялъ у него нѣсколько пушекъ и обошелъ деревню Кульмъ. Въ сіе самое время находившіеся подъ его начальствомъ Козаки привели къ нему Вандамма, Гаксо и прочихъ взятыхъ въ плѣнъ Генераловъ, копорыхъ подъ прикрытіемъ отряда Кирассирь отправилъ онъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Князь Голицынъ участвовалъ также въ опасностяхъ и славѣ сраженія, бывшаго подъ Лейпцигомъ 5 и 6 Октябрю. Онъ командовалъ тогда корпусомъ, подкрѣплявшимъ авангардъ Графа Витгенштейна, котораго главная цѣль была овладѣть ключемъ позиціи, деревнею Пробстгейдою. Во все это время Князь находился въ самомъ ужасномъ огнѣ; всѣ почти его Адъютанты были ранены и подъ нимъ убита лошадь.

Въ 1814 году участвовалъ онъ въ сраженіяхъ при Бриеннѣ, Феръ-Шампенуазѣ и Бельвилѣ близъ Парижа. Послѣ сихъ знаменитыхъ подвиговъ, Князь Голицынъ, предводительствуя храброю своею конницею, вошелъ торжественно съ побѣдоносными Россійскими войсками въ столицу Францію.

DEMITRI, FILS DE WLADIMIR,
PRINCE GALITZIN,
GÉNÉRAL DE CAVALERIE.

DEMITRI, fils de WLADIMIR, Prince GALITZIN, Chevalier des ordres de St.-Alexandre-Newsky ; de St.-Georges 3me classe ; de St.-Wladimir 1ère ; de l'épée d'or pour la bravoure , garnie en diamans ; — de l'aigle noir et de l'aigle rouge de Prusse ; — commandeur de l'ordre de St.-Jean de Jérusalem ; de l'ordre militaire de Bavière ; chevalier de l'ordre de Marie-Thérèse ; — militaire dès sa naissance , inscrit , comme bas-officier au régiment de Préobragensky , en 1774 ; officier en 1786 , dans le régiment des gardes à cheval , où il parvint successivement aux grades de Sous-lieutenant , de Lieutenant , de Capitaine en 1794 , de Colonel en 1796 ; Général-Major , en 1798 ; Lieutenant-Général en 1802 ; fut promu , en 1814 , au grade de Général de Cavalerie.

Soldat presque en naissant , le premier usage , que fit de sa raison le Prince Galitzin , fut de méditer sur la grandeur , sur l'importance , sur les difficultés de l'état dans lequel on l'avoit engagé , avant même qu'il eût acquis la faculté de penser. Il sentit de bonne heure que l'art de la guerre ne se borne pas à des pratiques purement mécaniques , que le zèle et la valeur , joints à la connoissance de quelques manœuvres

convenues ne suffisent pas pour former un grand-capitaine , que l'homme appelé à disputer les plus chers intérêts de la patrie , sur un théâtre , où les chances , comme les circonstances , varient à l'infini , a besoin d'une intelligence développée par le travail d'une longue étude , capable de saisir rapidement toutes ces chances , toutes ces circonstances , pour les faire tourner au salut des siens , ou empêcher au moins qu'elles ne tournent à leur perte. Aussi ne cessa-t-il , dès sa tendre jeunesse , d'abord dans le silence du cabinet , et depuis sur le terrain même , en présence de l'ennemi , d'étudier , avec une ardeur , dont il se croyoit comptable envers son pays , cette science de la guerre , si vaste et si difficile , et convaincu que rien n'est si propre que le travail de la rédaction , à développer et à mûrir les idées que l'esprit a conçues , il publia , dans le journal des savants à Paris , en 1789 , pendant le cours de ses études , un commentaire sur les 4 livres de Végèce ; en Russie , après la campagne de 1794 en Pologne , un ouvrage intitulé , manuel du volontaire , et en 1802 , un essai en russe , sur l'instruction méthodique d'un régiment de cavalerie.

Le Prince Galitzin fit ses premières armes en Pologne , l'an 1794. Les dangers et les fatigues de la guerre ne l'étonnèrent pas , parce qu'il s'en étoit fait une juste idée d'avance. Son ardeur et son amour pour le métier des armes , passion de toute sa vie , croissant encore en présence de l'ennemi , il en donna de brillantes preuves dans toutes les rencontres , à Slonim , à Ostrolenko , à Popowa , à la prise de Grodno , et surtout en montant à l'assaut de Prague , dernier exploit de cette campagne , si glorieuse pour les Russes.

En 1805 , il fut chargé du commandement d'un corps , faisant partie de l'armée du Général Benningsen. Ce Général devoit se réunir , en Bohême , à un corps Autrichien , pour opérer , de concert , une forte diversion sur le Danube , à dos de la grande armée Française. La paix de Presbourg prévint ce mouvement. En conséquence , cette armée ,

après avoir hiverné en Silésie , rentra dans ses frontières. Une nouvelle organisation partageant alors toute l'armée en 12 divisions , composées chacune de toutes les armes , la quatrième , commandée par le Prince Galitzin , eut son quartier-général à Vilna.

En 1806 , le Prince , avec sa division , fit encore partie de l'armée du Général Benningsen , composée de quatre , forte en tout de 50 , à 55,000 hommes. Cette armée eut ordre de passer le Niemen le 1er Novembre. Les malheurs de la Prusse ne permettant plus au Général Benningsen d'aller , suivant sa première destination , former en Saxe le flanc gauche de l'armée Prussienne , il s'arrêta sur le Narew , établissant son quartier-général à Pultusk. Le Prince alors eut l'ordre d'occuper le village de *Sloubowa* , avec un régiment d'infanterie , deux régiments de cavalerie et une batterie de position. Il devoit , en cas d'attaque , soutenir l'avant-garde , postée à Nove-Méasta ; mais de nouvelles dispositions , dont le but étoit de livrer bataille à Poulusk , faisant replier l'avant-garde , le Prince reçut l'ordre d'occuper Golomine , pour couvrir la grande route , qui menoit à Pultusk , et assurer ainsi le flanc droit de la grande armée. Cet ordre lui étant parvenu au jour tombant , il effectua ce mouvement de nuit. Pour arriver à Golomine , il avoit à traverser un pays marécageux , à parcourir des chemins tellement délayés par la pluie , que les équipages et les canons s'y enfonçoient jusqu'aux moyeux. Sa marche en fut tellement ralentie , que l'avant-garde ennemie eut le temps de s'approcher de ses avant-postes , ce qui rendit plus pénible encore le mouvement qu'il opéroit. Sa persévérance et son courage triomphant des difficultés , il gagna Golomine ; mais trop foible pour défendre le poste qui lui étoit confié , il augmenta ses forces de quelques régiments de la 3me division , qu'il arrêta dans leur marche , de deux régiments de celle du Général Doktoroff , qu'il attira à lui , et prit position en avant du village. Il ne tarda pas à voir les Maréchaux Murat et Augereau

marcher à lui , avec leurs deux corps réunis. Comment tenir contre des masses aussi supérieures ! Il ne désespéra pas d'un succès , qui pourtant paroissoit impossible. Obligé , par la foiblesse de ses moyens , de porter sans cesse les mêmes troupes sur des points différents , il sembla multiplier les hommes par leur incroyable activité , et montra à l'ennemi étonné combien peuvent suppléer au nombre la bouillante valeur et l'infatigable constance des Russes. Forcés d'avouer , dans leurs bulletins , la perte de plusieurs officiers généraux et d'un grand nombre de soldats , les Français couvrirent ce pénible aveu , en se vantant d'avoir eu affaire à toute l'armée du Général Buxhöwden. Après avoir si vaillamment maintenu sa position , pendant toute la journée du $\frac{14}{26}$ Décembre , le Prince reçut l'ordre d'aller à Makové rejoindre l'armée du Général Buxhöwden , et s'y rendit par des chemins aussi peu praticables que les premiers. Lorsque le Général Benningsen effectua sa belle marche de flanc , couverte par les lacs de la Prusse orientale , le Prince prit le commandement de la moitié de la cavalerie de l'armée , livra plusieurs affaires d'avant-garde , occupa Bartenstein , repoussa , dans plusieurs rencontres , l'arrière-garde du Maréchal Ney , détacha , près de Morungan , sous les ordres des Généraux-Majors Pahlen et Dolgorouki , une partie de son corps , qui surprit le quartier-général du Maréchal Bernadote , enleva tous ses équipages , et fit grand nombre de prisonniers. A Preussich-Eylau , il commanda toute la cavalerie ; elle donna sous ses ordres d'étonnantes preuves de valeur. La destruction presque totale du corps du Maréchal Augereau fut due , en partie , aux sages dispositions du Prince , qui mena plusieurs fois lui-même ses colonnes à l'attaque , et contribua , par son courage et l'ardeur qu'il inspiroit à ses troupes , au glorieux succès de cette mémorable journée. A Gutstadt , il commandoit une colonne , qui avoit pour but de couper l'ennemi de la Passarge. Les demandes réitérées du Prince Bagration , trop foible pour emporter les

retranchements qu'il avoit ordre de forcer, firent bientôt changer les premières dispositions du Prince Galitzin ; avec une partie de sa colonne, il marcha au secours du Prince Bagration, chargea, à plusieurs reprises, à la tête de sa cavalerie, des carrés ennemis supérieurs en nombre. La confiance qu'inspiroit la présence de leur chef aux braves qu'il conduisoit à ces attaques hardies, la plus rude épreuve du courage et de la solidité d'un corps de cavalerie, lui en assura souvent le succès. Sa cavalerie rendit encore d'importants services à Heilsberg. Pendant la retraite, il fut détaché avec 2 régiments, pour s'emparer de Friedland et du pont sur l'Aa, près la ville. Il importoit qu'il réussît dans cette entreprise, vû que l'armée longoit la rivière, et que l'intention du général-en-chef étoit de livrer bataille près de la ville ; mais le pont et la ville étoient déjà occupés par une force, égale au moins à celle du Prince, par le 9me de hussards, un régiment de cuirassiers saxons et quelques escadrons de dragons de la même nation, et en outre le Maréchal Oudinot, dont cette troupe faisoit l'avant-garde, n'étoit qu'à peu de distance. A peine en présence, le Prince commande l'attaque. Le pont et la ville sont emportés, et l'ennemi, repoussé à 2 ou 3 milles, laisse sur le champ de bataille un grand nombre d'hommes tués ou blessés, et quelques centaines de prisonniers entre les mains du vainqueur. A Friedland, le Prince Galitzin commanda la cavalerie de l'aile-droite, puis protégea la retraite.

En 1808, avec l'infanterie de sa division, il se rendit de Vilna en Finlande, où il prit le commandement du corps posté à Vasa. Ce fut lui qui prépara l'expédition du Quarkène, soit en faisant souvent en personne la reconnaissance de ce bras de mer, soit en la faisant faire par des chasseurs et des cosaques, qui, guidés par ses instructions, atteignirent toujours le but qu'il leur avoit proposé, et lui ramenèrent, d'une de leurs expéditions, tout un avant-poste suédois, dont on tira

les renseignements nécessaires, tant sur la force du corps, qui occupoit Vinco, que sur la position des îles opposées. Forcé, par des affaires domestiques et l'épuisement de sa santé, de suspendre ses services, il demanda et obtint son congé, en 1809.

En 1812, quand l'Europe donna au monde un spectacle, dont l'histoire n'offre point d'exemple, quand les guerriers de tant de nations opprimées, dont la dernière espérance reposoit sur la Russie, se réunirent sous les drapeaux de leur oppresseur, pour combattre en elle le dernier boulevard de leur indépendance, avec autant d'ardeur, autant de courage, qu'ils en montrèrent depuis, pour consommer, sous ses auspices, l'œuvre de leur délivrance, qu'elle avoit si généreusement commencée; à ce spectacle si humiliant pour l'espèce humaine, les Russes en opposèrent un à jamais glorieux, à jamais instructif pour elle. Ils montrèrent qu'un peuple, qui n'a pas permis qu'une fausse doctrine portât la moindre atteinte à son amour et à sa fidélité pour son Dieu et pour son Souverain, principes sacrés du véritable amour de la patrie, est toujours invincible, quand il combat pour la défense de sa Religion, de son Prince et de son pays. Au premier bruit du danger qui menaçoit la Russie, tous les Russes coururent aux armes; tous briguerent, comme la faveur la plus précieuse, l'honneur de mourir en la défendant. Elle vit à l'instant se rallier sous ses drapeaux tous les militaires en retraite. Le Prince Galitzin y reparut un des premiers. Oubliant les titres que ses anciens services lui donnoient à des postes distingués, il ne demanda qu'à combattre. Son zèle fut agréé par Sa Majesté. Le Maréchal Koutouzoff lui confia le commandement de la cavalerie de la seconde armée. Le 24 Août, à Borodino, il préluda à la fameuse affaire du 26, par un combat des plus opiniâtres. Murat, le Prince Poniatofski, et quelques divisions d'infanterie française, après avoir repoussé l'avant-garde des Russes, attaquèrent avec fureur le flanc droit de leur position, qu'on n'avoit point

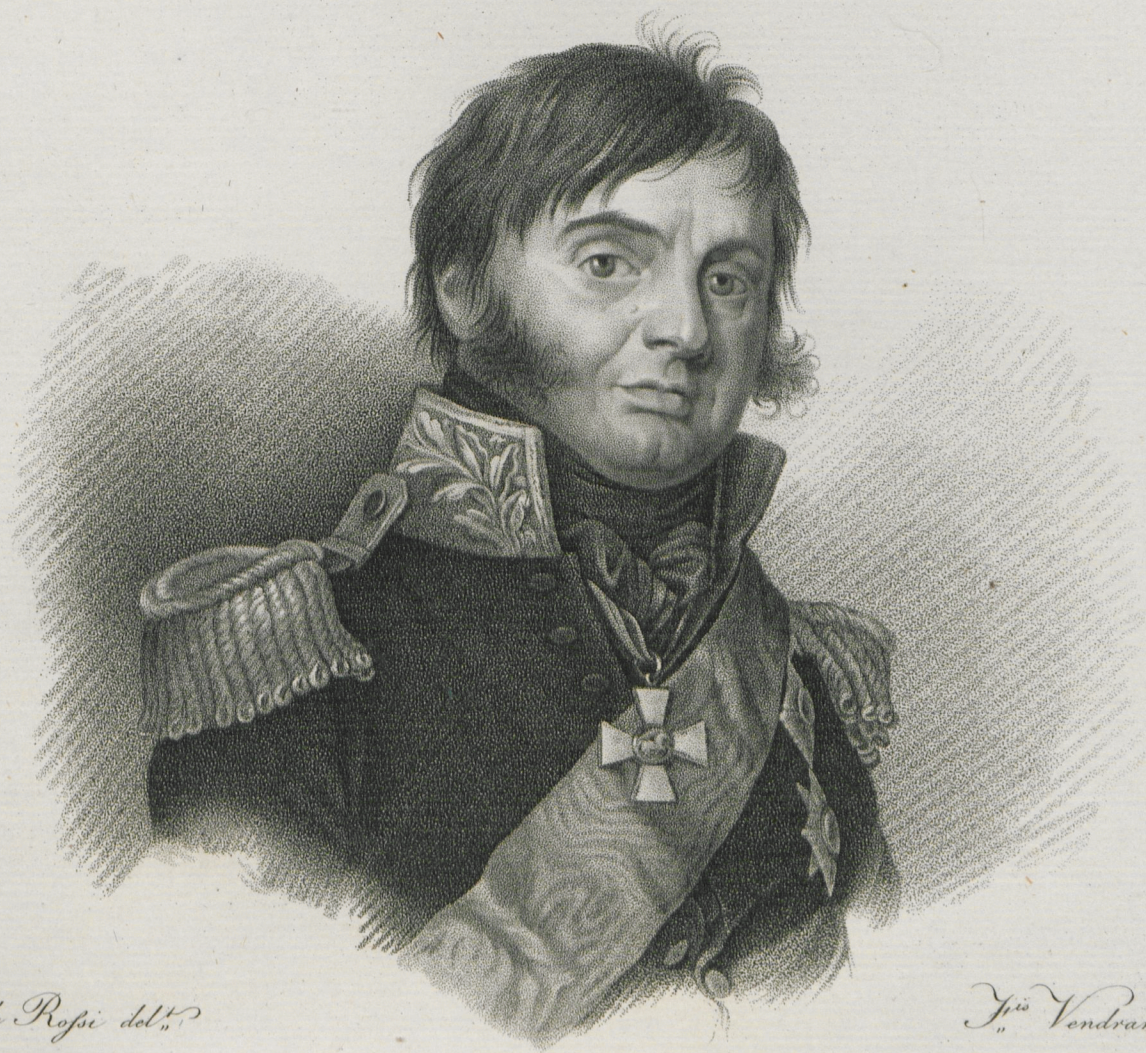
encore eu le temps de fortifier. Dans cette journée, où le Prince fut sans cesse exposé au feu le plus vif, qui lui tua un cheval, et blessa plusieurs de ses aides-de-camp à ses côtés, sa cavalerie joignit à une intrépidité qui lui attira les éloges du général-en-chef, une précision dans ses manœuvres, qui offroit l'image d'un exercice en tems de paix. Le combat, prolongé fort avant dans la nuit, coûta à l'ennemi plusieurs régiments totalement taillés en pièces, et fut couronné par la prise de 8 canons et d'un grand nombre de prisonniers, qui assurèrent que, malgré tous ses efforts, Murat s'étoit vu sur le point de ne pouvoir rallier ses troupes et éviter une déroute complète. Le 26, le Prince commanda toute la cavalerie du flanc gauche. Toutes les batteries de l'ennemi étoient dirigées sur ce flanc, principal but de son attaque. La vue et les ravages de 200 pièces de canons, fondroyant pour ainsi dire un seul point, l'horrible aspect de l'atmosphère embrasée par leur feu continuel, les terribles secousses, produites par leur épouvantable d'étonnation, rien ne put ébranler les Russes; leurs forces physiques étoient soutenues par une force morale, supérieure à toutes les épreuves; leur courage sembla croître en proportion des moyens énormes, que l'ennemi déployoit, pour se saisir de la victoire. Le Prince Galitzin, qui dirigeoit en personne les attaques de ses régiments, en reprenant plusieurs fois les rédans, abandonnés au commencement de l'affaire, eut un cheval tué sous lui, et soutint, pendant presque toute la journée, l'extrême gauche, avec sa seule cavalerie, quoique le terrain boisé opposât de grands obstacles à l'emploi de cette arme. Le 7 Octobre, il assista au combat de Taroutina. Le 20, il arriva un des premiers au secours du Général Doktoroff à Malo-Yaroslavetz; mais la nature du terrain ne permettant pas que la cavalerie prît une part active à cette affaire, il n'eut qu'à supporter le feu des batteries ennemies. Il assista encore au combat de Viasma. Le 17 Décembre, après avoir reçu les ordres du Maré-

chal Koutouzoff, sur les dispositions de la journée, commandant le 3me corps d'infanterie, la 2me division de cuirassiers, et plusieurs batteries à cheval, il partit du quartier-général, pour se rendre à son poste. Lorsqu'il arriva, l'ennemi, après avoir développé des forces considérables, engageoit l'affaire. Buonaparte dirigeoit l'attaque en personne, à la tête de 30,000 combattans, au nombre desquels étoit sa garde. Le Prince Galitzin n'avoit à lui opposer qu'un corps de 8 à 9,000 hommes, mais une artillerie supérieure à la sienne. Un changement de dispositions, nécessité par la difficulté du terrain, assura, sans partage, toute la gloire de cette brillante affaire au Prince Galitzin, qui en supporta tous les travaux, sans la coopération d'aucun autre corps. Buonaparte, voyant plusieurs régiments de ses gardes totalement détruits, abandonna le combat et prit la fuite, accompagné de plusieurs de ses généraux et du Prince Eugène de Beauharnois. 35 pièces de canons et 7,000 prisonniers restèrent entre les mains du vainqueur. On peut encore mettre au nombre des trophées de sa victoire une énorme quantité d'ennemis, qui ne lui échappèrent qu'en se dispersant dans les bois, où ils furent bientôt pris par les différents corps de l'armée Russe. Le Prince occupa, vers les 4 heures, la ville de Crasnoi. S'étant ainsi emparé de la grande route, il plaça sa cavalerie sur la chaussée, et le corps du Maréchal Ney se trouva entièrement coupé. A l'affaire du 6, le Prince Galitzin, ayant réuni son corps à celui du Général Miloradovitsch, occupa le flanc gauche de la position, et par ses dispositions coopéra puissamment au succès du combat.

En 1813, aux batailles de Lutzen et de Bautzen, il eut à essuyer un feu de batterie des plus meurtriers. A la reprise des hostilités, suspendues par un armistice, pendant lequel les troupes avoient pris des cantonnements en Silésie, le 14 Août dans différents combats, sous Dresde, il commanda toute la cavalerie de la réserve, composée de

la cavalerie de la garde et de deux divisions de cuirassiers de l'armée. Le 17, débouchant des montagnes, il se porta, avec sa cavalerie, au soutien du Comte Osterman. Ce Général ayant été blessé vers les 5 heures, après-midi, le Prince prit le commandement et soutint le combat jusqu'à la fin du jour. A l'arrivée du général-en-chef, il se rendit à son corps, placé à la droite de la position. Le 17, il commença l'affaire, renversa l'aile-gauche de l'ennemi, lui enleva plusieurs canons, et tourna le village de Culm. Ce fut alors que les cosaques, qui servoient sous ses ordres, lui amenèrent les généraux Vandamme, Haxo et autres, qu'il envoya à Sa Majesté, escortés d'un peloton de cuirassiers. Il partagea les dangers et la gloire des 5 et 6 Octobre devant Leipsic, et commanda le corps, qui soutenoit l'avant-garde du Comte Wittgenstein, dont le but étoit d'enlever la clef de la position, le village de Probstheid. Le feu terrible, auquel il étoit exposé, blessa la plupart de ses aides-de-camp à ses côtés et un cheval sous lui.

En 1814, il assista aux affaires de Brienne, de Fère-Champenoise et de Belle-Ville sous Paris, termina là ses glorieux travaux, et eut l'honneur d'entrer, à la tête de sa cavalerie, avec les armées victorieuses, dans la capitale de la France.

P. de Rossi del.

J. Vendramini sculp.

Равецкий
Генералъ отъ Кавалеріи.

Raiensky
Général de Cavalerie.

Published October 1814 by J. Vendramini N° 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ ОТЪ КАВАЛЕРІИ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ.

Николай Николаевичъ Раевскій, Генераль отъ Кавалеріи, Кавалеръ орденовъ св. Александра Невского, св. Владимира 1 степени, св. Георгія 2 го класса, св. Анны первой степени, Золотой шаги за храбрость, Маріи Терезіи 3 го класса, Краснаго Ора перваго класса, происходить отъ старинной Датской фамиліи Графовъ Дубиничей, поселившейся за 3 вѣка предъ симъ въ Польшу, и опшуда передшей въ Россію; родился въ 1770 году, вступилъ въ службу въ 1774, Лейб-гвардіи въ Семеновскій полкъ, гдѣ пропсходилъ чинами: Сержантомъ 1 го Января того же года, Прапорщикомъ 30 Апрѣля 1786, Подпоручникомъ 6 Января 1788, Поручникомъ 1 го Января 1789, 23 Февраля, по Высочайшему повелѣнію переведенъ въ армію въ чинъ Преміеръ-Маіора, произведенъ въ Подполковники 1 Сентября того же года; при заключеніи мира съ Турками въ 1792 году произведенъ въ Полковники Нижегородскаго драгунскаго полку, коимъ командовалъ до 1797 года. Въ семъ году оставилъ онъ службу, и таки вступилъ въ оную въ 1801 году, по приглашенію нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Генераль-Маіоромъ, произведенъ въ Генераль-Лейтенанты 15 Апрѣля 1806, а въ Генералы отъ Кавалеріи 1 го Ноября 1813 года.

Съ храбростью и заслугами Генерала Раевского равняется только его скромность. Она причинила бы уронъ его

славѣ, умолчавъ о обстоятельстве, превосходившихъ его подвиговъ, естълибъ награды, увѣнчавшія заслуги его, естълибъ единодушный гласъ Россійской арміи, произносящей имя его съ уваженіемъ, и изъясляющей почтеніе опличнымъ только достоинству, не даровали его славѣ блескъ, котораго она лишилась бы отъ сей непомѣрной скромности. Не имѣя возможности опобратъ свѣденія о различныхъ его подвигахъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, мы были часто принуждаемы въ повѣствованіи нашемъ ограничиваться простымъ исчисленіемъ знаменитыхъ его подвиговъ. Первый походъ совершилъ онъ въ чинѣ Маіора въ 1790 году въ Молдавіи и Валлахіи противъ Турокъ, и подалъ о себѣ лучшія надежды, которыя совершенно оправдалъ въ послѣдствіи. При взятіи Акермана и Бендеръ, и при всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было оказатъ усердіе и храбрость, онъ пріобрѣталъ новыя права на уваженіе и довѣренность своихъ начальниковъ, такъ что на 19 году отъ роду былъ произведенъ въ Подполковники и получилъ команду надъ козачьимъ Ашаманскимъ полкомъ.

1792 года въ Польшѣ подъ командою Генераль - Маіора Маркова, въ дѣлѣ 7 Іюня при деревнѣ Городницѣ, онъ заслужилъ храбростью своею орденъ Св. Георгія 4 класса. 7 го Іюля того же года въ дѣлѣ при мѣстечкѣ Дорогости, подъ командою Генерала Тормасова, онъ снова доказалъ, сколь достоинъ былъ носить сей знакъ опличія.

Въ 1793 году онъ получилъ лестное доказательство довѣренности своихъ Начальниковъ. Находясь подъ командою Генерала Бергмана, онъ получилъ приказаніе пойти съ отрядомъ въ Могилевъ для обезоруженія Польскихъ войскъ. Исполненіемъ сего дѣла онъ совершенно оправдалъ выборъ сей, и получилъ орденъ Св. Владиміра 4 степени.

Въ 1796 году онъ былъ на войнѣ въ Персіи при взятіи Дербенша и въ разныхъ дѣлахъ на рѣкѣ Курѣ, гдѣ пріобрѣлъ новое уваженіе своихъ сподвижниковъ.

Въ 1805 году, въ войнѣ противъ Французовъ, онъ служилъ въ авангардѣ Князя Баграціона, участвовалъ во всѣхъ его подвигахъ, именно во время опустошенія, котораго успѣхъ, казавшійся невозможнымъ, можетъ приписанъ быть къ числу блистательнѣйшихъ дѣлъ сихъ Генераловъ.

Въ 1807 онъ вновь служилъ противъ Французовъ, въ сраженіи при Петерсвальдѣ, при опустошеніи арміи, въ сраженіе Тупшпанскомъ, въ битвахъ при Гейлсбергѣ и Фридландѣ, гдѣ командовалъ всѣмъ авангардомъ. При Гейлсбергѣ былъ онъ раненъ пулею въ ногу, вездѣ отличался храбростію, заслуживалъ благодарности отечества и благоволеніе ГОСУДАРЯ, который въ вознагражденіе знаменитыхъ дѣлъ его въ печеніе всей этой кампаніи, украсилъ его орденомъ Св. Анны 1й, и Св. Владиміра 3 степени.

Въ кампаніи 1809 противъ Шведовъ онъ выгналъ непріятеля изъ Христіанштапта и Вазы, и въ награду на сіе блистательное дѣло получилъ чинъ Генераль-Лейтенанта и команду надъ корпусомъ, съ которымъ того же года въ сраженіи при Ны-Карлебы и въ дѣлѣ при Ланнокиркѣ, оказалъ новыя услуги, за кои награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2 степени.

Въ 1810 году командовалъ онъ корпусомъ противъ Турокъ. При осадѣ Силистріи поручена ему была атака на лѣвомъ крылѣ; онъ не преспавалъ дѣйствовать на семь пунктовъ до самаго взятія города, и въ награду за свое мужество получилъ Золотую шпату съ надписью: *за храбрость*. Наконецъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Главнокомандовавшаго всею арміею Графа Каменскаго, особенно отличился онъ со своимъ корпусомъ въ сраженіи при Шумлѣ.

Въ 1811 году, во время нашествія Французовъ, Генераль Раевскій командовалъ въ Западной арміи 7 мѣ пѣхотнымъ корпусомъ. 9 Іюля, по приказанію Князя Баграціона, отправился онъ съ 13.000 человекъ изъ Бобруйска къ Могилеву, ко-

порымъ овладѣлъ тогда Маршалъ Дагу. Ему приказано было опрокидывать на пуши своемъ непріятеля; въ какомъ бы числѣ онъ ни находился. 10 го числа встрѣчился онъ при Дашковкѣ съ первыми непріятельскими войсками и потчасъ атаковалъ ихъ аванпосты. На другой день прогналъ онъ ихъ вновь еще верстѣ на семь до деревни Султановки. Здѣсь Маршалъ Дагу собралъ главныя свои силы, состоявшія по крайней мѣрѣ изъ 40,000 человекъ, въ самой твердой позиціи, защищаемой рѣчкою и лѣсомъ. Къ сей позиціи приближившись можно было большею только дорогою, которая состояла въ семь мѣстѣ прямую аллею и защищена была весьма выгодно устроенною бапарею. Всѣ сіи обстоательства, соединившіяся въ пользу непріятеля, дѣлали всякое нападеніе невозможнымъ. Генералъ Раевскій, будучи столь же благоразуменъ, сколь и храбръ, извѣщаетъ о томъ Князя Баграціона, который, вѣроятно обманувшись ложными донесеніями, приказываетъ начать атаку. Раевскій исполняетъ данное ему повелѣніе. Войска идутъ противъ непріятеля по большой дорогѣ, съ удивительною твердостью, подъ ужаснымъ градомъ пуль и картечи: но не могутъ пройти сквозь опасный дефилей. Долгъ службы не позволяетъ Раевскому оставить невозможное предпріятіе. Въ жару своего усердія соскакиваетъ онъ съ лошади; храбрый Васильчиковъ дѣлаетъ тоже; оба бросаются впередъ колонны; войска, увлеченныя ихъ примѣромъ являютъ чудеса храбрости. Но вся храбрость ихъ бесполезна по причинѣ чрезвычайнаго превосходства непріятельской силы и неприсупнаго мѣстоположенія. Они выдерживали самый ужаснѣйшій огонь, не могли пробиться впередъ, и не подаваясь ни шагу назадъ. Наконецъ прибылъ Князь, и увидя опасность, приказалъ отступить. Толикое мужество не было и не могло быть увѣнчано успѣхомъ. По крайней мѣрѣ не со всѣмъ оно было бесполезно: изумленный непріятель не осмѣлился покоить при отступленіи храбрыхъ Россіянъ, которымъ

могъ онъ воспрепятствовать въ достиженіи главнѣйшей ихъ цѣли, то есть въ соединеніи съ большею арміею.

3 Августа Генераль Раевскій заперся въ Смоленскѣ, рѣшившись швердо, не взирая на слабость силъ своихъ, защищать до послѣдней крайности сіе мѣсто, чтобы дать время арміи придти къ нему на помощь. Утромъ 4 числа авангардъ Наполеона появился передъ городомъ. Малочисленный корпусъ защищалъ оный; но какое число войскъ замѣнялъ собою неуспрашимый Начальникъ сего корпуса Раевскій, рѣшившійся не уступать Смоленска! Вообще Французы получаютъ безпрестанныя подкрѣпленія; вообще при корпуса подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, усугубляющъ нападеніе и съ чрезвычайнымъ превосходствомъ силъ своихъ соединяющъ все то, что въ состояніи произвести гордость, униженная слабостію препятствія, Русскіе остаются непоколебимы; сраженіе продолжается до самой ночи, которая одна только могла его окончить, и мѣсто сраженія остается за Раевскимъ въ виду гордаго непріятеля, приспѣявшаго равномерно своею пошерейю, превосходствомъ силъ своихъ и неудачею всѣхъ своихъ покушеній.

24 и 26 сражался онъ со своимъ корпусомъ при Бородинѣ, на лѣвомъ крылѣ арміи, проливъ котораго устремлены были всѣ ужасы войны. Всѣ бывшіе тогда подъ начальствомъ сего неуспрашимаго вождя, воспламеняясь его примѣромъ, оказали чудеса храбрости, и большая часть сихъ мужественныхъ воиновъ заплашила своею жизнію за пріобрѣтенную подъ его предводительствомъ безсмертную славу. 12 Октябрю выдержалъ онъ жесточайшее сраженіе подъ Маламъ Ярославцомъ. Съ 3го по 6е Ноября, въ сію несчастную для Вице-Короля Италіи и для Маршаловъ Даву и Нея эпоху, Генераль Раевскій, какъ въ сраженіи при Красномъ, такъ и въ преслѣдованіи пораженнаго непріятеля, способствовалъ весьма много успѣхамъ сихъ достопамятныхъ дней,

въ копорые Россіане нанесли смертельныя удары ужасному, но ослабѣвшему уже колоссу, ласкавшемуся прежде надеждою подавить тяжестію своею Россію.

Въ 1813 году Генераль Раевскій командовалъ въ Саксоніи всѣми гренадерскими корпусами. Онъ сражался 7 Маія при Кенигсвартѣ, 8 и 9 въ генеральной баталіи при Бауценѣ, 10 при Рейхенбахѣ и находился во всѣхъ дѣлахъ до самаго перемирія. Въ Іюль мѣсяцъ того же года перешелъ онъ со своимъ корпусомъ подъ начальствомъ Фельдмаршала Князя Шварценберга; былъ 16 Августа въ сраженіи при Дрезденѣ; 18 при Кульмѣ, напавъ на лѣвое крыло, содѣйствовалъ весьма много къ одержанію побѣды, превосходящей всякое описаніе человѣческой храбрости, и послѣ того находился еще въ сраженіи 19 числа при Донѣ. 29 Маршаль Сен-Сиръ покусился выйти на Теплицкія равнины изъ Гейерсбергскаго дефилея. Гейерсбергъ уже былъ занятъ тогда дивизіею Боннепа. Раевскій идетъ противъ оной, и выдержавъ продолженіи трехъ часовъ жесточайшій ружейный огонь, принуждаетъ ее оставить свою позицію. 4 Октября показали онъ Европѣ, что могутъ сдѣлать Русскіе гренадеры подъ предводительствомъ столь неуспрашимаго Начальника: сраженіе давно уже продолжалось на всѣхъ пунктахъ, но не могли поколебать ни лѣваго крыла, ни центра непріятельскаго. Особенно центръ составлялъ самый важнѣйшій пунктъ. Уже шесть разъ союзники приступали къ мѣстечку Вахау, но не могли онаго взять. Наполеонъ, видя, что долженъ или побѣдить въ этотъ же самый день или отказаться на слѣдующіе дни отъ всякаго успѣха, около одиннадцати часовъ подвинулъ свои резервы, чтобы исторгнуть у союзниковъ побѣду и прорвать центръ ихъ арміи. Маршаль Удино съ двумя дивизіями гвардіи занялъ Вахау. По его прибытіи Маршаль Викторъ подвинулся впередъ. Онъ былъ подкрѣпленъ артиллерійскимъ

резервомъ подъ командою Генерала Друета , который немедленно поставилъ ужаснѣйшую баштерею изъ 150 пушекъ. Русскіе не могутъ держаться противъ столь жестокаго огня. Викторъ , едва могшій до того времени удерживать ихъ наискрѣ , тѣснилъ ихъ и быстро преслѣдуетъ. Казалось , что центръ Русской арміи скоро будетъ прорванъ. Въ сіе опасное мгновеніе Раевскій получаетъ приказаніе остановиться съ своимъ корпусомъ Французовъ. Онъ двинулся и Французы должны были остановиться. Шестъ тысячъ кавалеріи пришло къ нимъ на подкрѣпленіе , но они только умножили славу Русскихъ гренадеръ : пѣхота , артиллерія , кавалерія совокупно дѣйствовали противъ нихъ ; но Раевскій и его храбрые воины пребыли непоколебимы , Не довольствуясь тѣмъ , что остановили столь превосходныя силы , они успѣли еще опразить ихъ. Побѣда измѣнила Наполеону и независимость Германіи на всегда утвердилась. Въ сію доспопамятную битву Раевскій былъ раненъ въ грудь ; но рана не воспрепятствовала ему быть въ сраженіи 6 Октября. Во Франціи , блокировалъ онъ съ своимъ корпусомъ крѣпость Бефортъ.

Въ 1814 году , Февраля 8 , по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію , принялъ онъ начальство надъ арміею Генерала Витгенштейна. 9 Марта взялъ приступомъ городъ Арси , 10 находился въ сраженіи при Фер-Шампенуазѣ ; 16 при Бонди. Наконецъ 18 достигши окрестностей Парижа , овладѣлъ высотами Белльвиля , самымъ вѣрѣйшимъ и твердо защищаемымъ пунктомъ , чрезъ что отверзъ Союзникамъ врага столицы Франціи. Орденъ Св. Великомученика Георгія 2 класса былъ наградою сему искусному и мужественному воину , котораго Россія , Германія , вся Европа должны почитать однимъ изъ главнѣйшихъ орудій своего избавленія.

NICOLAS, FILS DE NICOLAS,
RAIEWSKY,
GÉNÉRAL DE CAVALERIE.

NICOLAS, fils de NICOLAS, RAIEWSKY, Chevalier des ordres de St.-Alexandre-Newsky; de St.-Wladimir 1ère classe; de St.-Georges 2me; de Ste.-Anne 1ère; de l'épée d'or pour la bravoure, — de Marie-Thérèse 3me; de l'aigle rouge 1ère; descendant des Comtes de Dubinich, d'une famille originaire du Danemark, qui s'établit, il y a trois siècles, en Pologne, d'où elle passa en Russie; né en 1770, entra au service en 1774, dans le régiment des gardes de Semenowsky, où il obtint successivement les grades de Sergent, le 1er Janvier même année, d'enseigne, le 30 Avril 1786, de Sous-Lieutenant, le 6 Janvier 1788, de Lieutenant, le 1er Janvier 1789. Le 23 Février, par ordre de la cour, il passa des gardes à l'armée, avec l'ancienneté de premier Major; le 1er Septembre, même année, il fut promu au grade de Lieutenant-Colonel; et à la conclusion de la paix avec les Turcs, en 1792, à celui de Colonel au régiment des dragons de Nichegorod, qu'il commanda jusqu'en 1797. A cette époque, il quitta le service; le reprit, comme Général-Major, en 1801, à la demande de S. M. l'Em-

pereur ALEXANDRE. Lieutenant-Général, le 15 Avril 1806, il parvint, le 8 Novembre 1813, au grade éminent de Général de cavalerie.

Rien ne sauroit égaler la valeur et le mérite du général Raiewsky, que sa modestie. Elle auroit fait un tort irréparable à sa gloire, en taisant scrupuleusement les circonstances les plus honorables de ses actions, si les récompenses, que lui ont partout méritées ses services, si la voix unanime de l'armée russe, qui ne prononce son nom qu'avec cette vénération, qui ne s'attache qu'aux vertus les plus respectables et au mérite le plus éminent, n'avoient rendu à sa réputation tout l'éclat que, sans elles, cette excessive modestie lui auroit fait perdre. Dans l'impossibilité de réunir, pour les consulter, les différens témoins de ses différens faits d'armes, nous nous verrons souvent forcés, dans cette notice, de nous borner à les indiquer, sans pouvoir en exposer les détails les plus glorieux. Son début dans la carrière militaire fut des plus brillants. Il fit sa première campagne, en qualité de Major, l'an 1790, en Moldavie et en Walachie, contre les Turcs, et fit concevoir de lui, dans cette guerre, les plus hautes espérances, qu'il a complètement réalisées dans toutes les guerres suivantes. A la prise d'Akerman, à celle de Bender, et dans toutes les circonstances, où il lui fut possible de prouver son zèle et sa valeur, il acquit des titres si puissants à l'estime et à la confiance de ses chefs et de son Souverain, qu'agé seulement de 19 ans, il fut élevé au grade de Lieutenant-Colonel, et au commandement du régiment des Cosaques du grand Hetman.

L'an 1792, en Pologne, sous les ordres du Général-Major Markoff, à l'affaire du 7 Juin, près du village de Grodnitz, il mérita, par sa bravoure, la croix de St.-Georges 4me classe, et le 7 Juillet, même année, dans une affaire, près de la petite ville de Dorogst, sous le commandement du Général Tormasoff, il prouva de nouveau combien il étoit digne de porter la glorieuse décoration qu'il venoit d'obtenir.

En 1793, il reçut un témoignage flatteur de la confiance qu'il avoit su inspirer à ses chefs. Servant alors sous le général Bergman, il fut chargé de se rendre, à la tête d'un détachement à Mohiloff, pour y désarmer les troupes polonaises. Dans l'exécution de cette commission, il justifia pleinement le choix qu'on avoit fait de lui pour la remplir, et fut décoré de la croix de St.-Wladimir 4me classe.

En 1796, il fit la guerre en Perse. A la prise de Derbent, et dans plusieurs affaires sur la rivière de Kur, il acquit de nouveaux titres à l'estime de ses compagnons d'armes.

En 1805, contre les Français, il servit dans l'avant-garde du Prince Bagration, prit une part distinguée à toutes ses opérations, notamment pendant sa retraite, dont le succès, qui paroissoit impossible, peut être compté, par les généraux, dont la valeur parvint à l'assurer, au nombre de leurs plus brillants titres à la gloire.

En 1807, il servit de nouveau contre les Français, à l'affaire de Péterwalde, à la retraite de l'armée, à l'affaire de Guttstadt, dans les batailles de Heilsberg, et de Friedland où il commanda tout le corps de l'avant-garde. A Heilsberg, il fut blessé d'une balle à la jambe. Partout il fit admirer sa valeur, mérita la reconnoissance de sa patrie et la bienveillance de son Prince, qui, pour récompenser ses glorieux travaux pendant tout le cours de cette campagne, lui conféra les ordres de Ste.-Anne 1ère classe et de St.-Wladimir 3me.

Dans la campagne de 1809 contre les Suédois, à la tête d'un détachement, il chassa l'ennemi de Christianstadt et de Vasa, et pour prix de cette brillante action, fut élevé au grade de Lieutenant-Général, et nommé commandant d'un corps, avec lequel, la même année, à l'affaire de Neukarsby, et dans deux combats, près de l'église de Lanno, il rendit de nouveaux services, dont l'ordre de St.-Wladimir 2me classe fut la récompense.

En 1810, il commanda un corps contre les Turcs. Au siège de

Silistrie, il fut chargé de l'attaque sur la gauche, ne cessa d'opérer sur ce point, jusqu'à la prise de la ville, et reçut, pour prix de sa valeureuse conduite, une épée d'or, portant cette inscription: *Pour la Bravoure*. Enfin, sous les ordres directs du général Kamensky, commandant en chef de toute l'armée, il se distingua particulièrement, avec son corps, à l'affaire de Schumla.

En 1812, à l'invasion des Français, il servit dans l'armée de l'Ouest, commandant le 9me corps d'infanterie. Le 9 Juillet, par ordre du Prince Bagration, il marche, à la tête d'environ 15,000 hommes, de Bahrouisk sur Moïloff, dont le Maréchal d'Avoust s'est emparé. Son ordre porte de renverser tout ce qu'il trouvera d'ennemis sur son chemin. Le 10, il rencontre à Daschkowka les premières troupes de l'ennemi, dont il force les avant-postes à se replier. Le lendemain il les repousse de nouveau, l'espace de 7 verstes, jusqu'au village de Soultanowka. Là Davoust a rassemblé le gros de ses forces, montant à plus de 40,000 hommes, dans une position très-forte, couverte par un ruisseau et des bois, abordable seulement par la grande route, formant en cet endroit une allée droite, défendue par le feu d'une batterie très-avantageusement placée. Tant de circonstances réunies en faveur de l'ennemi, rendent l'attaque téméraire. Aussi prudent que valeureux, le Général Raiewsky en donne avis au Prince, qui, trompé, sans doute, par de faux rapports, ordonne l'attaque. Raiewsky exécute l'ordre qu'il a reçu. Les troupes marchent à l'ennemi, par la grande route, avec la plus admirable fermeté, sous une grêle épouvantable de balles et de mitraille; mais elles ne peuvent franchir le défilé. Le devoir ne permet plus à Raiewsky de renoncer même à l'impossible. Emporté par son zèle, il met pied à terre; le brave Vaviltchicoff en fait autant; tous deux se précipitent à la tête de la colonne. Etrahés par leur exemple, les troupes font des prodiges de valeur. Valeur inutile! écrasées par la prodigieuse supériorité en

nombre de l'ennemi, trop puissamment secondée par la nature des lieux, elles restent en butte au feu le plus terrible, sans pouvoir avancer; mais sans reculer d'un pas. Le Prince arrive, et mieux instruit, ordonne la retraite. Tant d'efforts de courage ne furent pas couronnés par le succès; ils ne pouvoient l'être. Ils ne furent pas pourtant tout-à-fait perdus: l'ennemi, frappé sans doute d'admiration et de stupeur, n'osa inquiéter, dans leur retraite, des braves qu'il pouvoit empêcher d'atteindre leur principal but, leur réunion à la grande armée.

Le 3 Août, le général Raiewsky se renferme dans Smolensk, bien résolu, malgré la faiblesse de ses moyens, à défendre cette place jusqu'à la dernière extrémité, pour donner à l'armée le temps de venir la secourir. Dans la matinée du 4, l'avant-garde de Napoléon attaque la ville. Un faible corps la défend; mais pour combien ne doit-on pas compter l'intrépide Raiewsky qui le commande, Raiewsky déterminé à ne pas rendre Smolensk. Envain les Français reçoivent de continuels renforts, envain trois corps, commandés par Napoléon en personne, multiplient leurs attaques, avec tout ce que peut ajouter au prodigieux avantage du nombre l'orgueil humilié par le sentiment de sa force, comparée à la faiblesse de l'obstacle qu'elle ne peut vaincre; les Russes sont inébranlables; le combat se prolonge jusqu'à la nuit, qui peut seule le terminer, et Raiewsky reste maître de la place, devant un fier ennemi, également honteux de la perte qu'il a faite, de la supériorité de ses forces et de l'inutilité de ses efforts.

Le 24 et le 26, il combattit avec son corps à Borodino, au flanc gauche de l'armée, contre lequel étoit dirigé tout ce que la guerre peut déployer de plus terribles ressources. L'âme de cet intrépide chef électrisant celle de tous ceux qui servoient sous ses ordres; ils firent des prodiges de valeur. La plupart payèrent de leur vie la gloire immortelle, dont ils se couvrirent sous son commandement. Le 12 Octobre, il soutint un rude combat à Malo-Yeroslavetz. Du 3 au 6

Novembre, époque désastreuse pour le Vice-Roi d'Italie, pour les Maréchaux Davoust et Ney, le général Raiewsky, soit en combattant à Krasnoy, soit en poursuivant l'ennemi battu, prit une glorieuse part aux travaux de ces mémorables journées, où les Russes portèrent des coups mortels au corps, déjà affaibli, de l'épouvantable colosse, qui s'étoit flatté d'écraser la Russie du poids de ses forces.

En 1813, Raiewsky eut en Saxe le commandement de tous les corps de grenadiers. Il combattit, le 7 Mai, près Königswarta; assista, le 8 et le 9, à la bataille générale de Bautzen, le 10 au combat de Reichenbach, puis à toutes les affaires jusqu'à l'armistice. Au mois de Juillet, même année, il passa, avec son corps, sous les ordres du Feldmaréchal, Prince Schwartzemberg; se trouva, le 16 Août, à l'action près Dresde. Le 18, à Culm, en attaquant sur la gauche, il contribua puissamment au triomphe, qui couronna si glorieusement les plus étonnants faits-d'armes, dont la valeur humaine soit capable; et fut encore en affaire, le 19, près Dona. Le 29, le Maréchal St.-Cyr tenta de déboucher dans les plaines de Töplitz, par le défilé du Geyersberg. Le Geyersberg étoit déjà occupé par la division Bonnet. Raiewsky marche contre elle, et à la suite d'une fusillade, vivement soutenue pendant 3 heures, la force à abandonner sa position. Le 4 Octobre, devant Leipsick, il apprit à l'Europe tout ce qu'on peut attendre des grenadiers russes, commandés par un chef aussi intrépide: déjà l'affaire est engagée, depuis long-temps, sur tous les points, sans qu'on ait pu ébranler encore ni la gauche, ni le centre de l'ennemi. Le centre surtout est le point important. Déjà six fois les alliés ont attaqué Waschau, sans pouvoir l'emporter, lorsqu'à 11 heures Napoléon, convaincu qu'il doit vaincre, ce jour même, ou renoncer à l'espérance de vaincre les jours suivants, fait agir ses réserves, pour arracher la victoire aux alliés, en enfonçant le centre de leur armée. Le Maréchal Oudinot, avec deux divisions de la jeune garde, se

rend à Waschau. A son arrivée, le Maréchal Victor se porte en avant. Il est encore renforcé, par la réserve de l'artillerie, aux ordres du général Drouet, qui établit sur-le-champ une batterie formidable de 150 pièces de canon. Les assaillants ne peuvent tenir contre des mesures aussi formidables. Victor, qui jusqu'alors avoit eu peine à soutenir leur choc, les pousse, les poursuit vivement. Le centre des Russes va être enfoncé. Dans ce moment critique, Raiewsky reçoit l'ordre de s'opposer, avec son corps, aux progrès des Français. Il se présente, et les Français sont forcés de s'arrêter. Six mille hommes de cavalerie viennent encore les soutenir; mais ils ne viennent que pour assurer aux grenadiers russes la gloire de tenir contre toutes les armes à-la-fois: infanterie, artillerie, cavalerie, en vain tout agit simultanément contr'eux; Raiewsky et ses braves sont inébranlables. Ce n'est pas assez pour eux de ne pas céder aux forces énormes, qui sembloient devoir les écraser. Ils parviennent encore à les repousser. La victoire trahit les prodigieux efforts de Napoléon, et l'indépendance de l'Allemagne est désormais assurée. Dans cette mémorable journée, Raiewsky fut blessé à la poitrine; mais sa blessure ne l'empêcha pas de prendre part au combat du 6. Le 28 Décembre en France, il bloqua, avec son corps, la forteresse de Belfort.

En 1814, le 8 Février, par ordre de S. M., il prit un commandement dans l'armée du général Wittgenstein. Le 9 Mars, il attaqua et prit Arcy. Le 10, il assissa à la bataille de Fère-Champenoise, le 16, à celle de Bondi. Enfin le 18, il marcha jusqu'aux environs de Paris, se rendit maître des hauteurs de Belle-Ville, le point le plus fortement défendu, et, par ce brillant exploit, ouvrit aux alliés la capitale de la France. La croix de St.-Georges 2me classe récompensa les derniers travaux de cet habile et valeureux guerrier, que la Russie, que l'Allemagne, que l'Europe entière doivent compter au nombre des principaux instrumens de leur délivrance.

F.^{co} Ferriero del.

F.^{co} Vendramini sculp.

Остерманъ Толстой
Генералъ Неменовамъ.

Osterman Tolstoy
Lieutenant-General.

Published October 1814 by T.^h Vendramini N° 14, Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ - ЛЕЙТЕНАНТЪ.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

ОСТЕРМАНЪ-ТОЛСТОЙ.

Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ - Толстой, Кавалеръ Орденовъ: Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2го класса, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1й степени большаго креста, Золотой Шпаги, украшенной алмазами съ надписью: *за храбрость*; Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орла, и Командоръ Военнаго Ордена Маріи Терезіи, вступилъ въ службу при самомъ почти своемъ рожденіи. Записанъ будучи въ 1774 году Унтеръ-Офицеромъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ, производимъ былъ въ ономъ чинами, а именно: Сержантомъ въ 1780, Прапорщикомъ въ 1784, Подпоручикомъ въ 1789 и Поручикомъ въ 1791 году. Перешелъ изъ Гвардіи въ армію Подполковникомъ во второй Егерскій Баталіонъ въ 1793 году, Полковникомъ въ Рижскій пѣхотный полкъ въ 1796, Генераль-Маіоромъ и Шефомъ въ Шлиссельбургскій полкъ въ 1798. Въ семь же самомъ году вышелъ онъ изъ военной въ гражданскую службу съ переименованіемъ въ Дѣйствительные Спашскіе Совѣтники и принявъ паки въ армію Генераль-Маіоромъ, въ 1801 году; въ 1806 произведенъ въ Генераль-Лейтенанты и назначенъ

Командиромъ Преображенскаго полка и всей первой пѣхотной дивизіи.

Графъ Остерманъ-Толстой началъ воинскіе свои подвиги въ кампаніи противъ Турокъ. Въ 1788 году находился онъ въ Молдавіи и Бессарабіи; въ 1789 на сраженіи при рѣкѣ Калчѣ и потомъ при взятіи Бендеръ; въ 1790 при штурмѣ Килии, также Измаила, который стоилъ много крови, и наконецъ на послѣднемъ сраженіи при крѣпости Мачинѣ. Во всѣхъ сихъ дѣлахъ отличился онъ своимъ мужествомъ и благороднымъ жаромъ къ военному искусству, которыми подали объ немъ тогда большую надежду, совершившуюся въ послѣдствіи времени при многихъ чудесахъ храбрости.

Въ 1805 году Графъ Остерманъ-Толстой, будучи уже семь лѣтъ Генераль-Маіоромъ, получилъ въ команду опрѣдѣленную часть корпуса, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Графа Толстаго, который высаженъ былъ въ Шведской Помераніи и занялъ Ганноверъ. Какъ сей корпусъ, такъ и корпусъ Генерала Бенигсена имѣли тогда цѣлію диверсіи въ пользу большой арміи; но Пресбургскій миръ предупредилъ всѣ ихъ дѣйствія.

Въ 1806 году Графъ Остерманъ-Толстой произведенъ въ чинъ Генераль-Лейтенанта. Въ то же самое время армія, по возвращеніи своемъ въ Россійскіе предѣлы, получила новую организацію и раздѣлилась на 12 дивизій. Графу поручена была въ команду вторая дивизія, принадлежавшая къ арміи Генерала Бенигсена, составленной изъ четырехъ только дивизій, числомъ всего вообще отъ 50 до 55,000 человекъ. Сія армія получила повелѣніе 1 Ноября перейти Нѣмень въ четырехъ мѣстахъ. Первое назначеніе оной было въ Саксонію, чтобы составить тамъ лѣвое крыло для Прусской арміи, которая занимала уже Веймарскія окрестности; но непредвидимыя несчастія, постигшія въ то

время сію Монархію , принудили Генерала Бенигсена остановиться на Наревѣ.

Едва только учреждена была въ Пултускѣ главная квартира, какъ Графъ Остерманъ - Толстой получилъ повелѣніе занять со всею дивизіею позицію между Поморовомъ и Черновымъ , при соединеніи рѣки Наревы съ Бугомъ ; пунктъ весьма важный , ибо предвидѣли , что непріятель , пользуясь удобностію мѣстоположенія , покусится сдѣлать шухъ переправу. Вскорѣ Графъ увидѣлъ приближающіяся къ нему превосходныя непріятельскія силы. Маршалъ Даву , со всѣмъ своимъ корпусомъ , состоявшимъ изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и четвертой дивизіи драгунъ Бомонша , повелъ противъ него атаку. Полагаясь на многочисленность своихъ войскъ , приобыкшихъ къ побѣдамъ , не могъ онъ ожидать долговременнаго сопротивленія. Сраженіе сіе , бывшее блистательнымъ началомъ убійственной компаніи , продолжалось непрерывно 13 часовъ и показало Французамъ , что могутъ сдѣлать Россіяне подъ предводительствомъ искуснаго и неустрашимаго Начальника. Мужество и патриотизмъ Графа , усугубленные трудностію его положенія и важностію , какую справедливо полагалъ онъ въ славномъ началѣ , произвели чудеса и воспламенили всѣхъ его солдатъ , изъ коихъ всякой , шакъ сказать , сдѣлался героемъ. Самъ непріятель принужденъ былъ отдать справедливость сему храброму предводителю и достойнымъ его воинамъ. Удержавъ цѣлый день , съ столь неравными силами позицію при Черновѣ , получилъ онъ ночью повелѣніе отступить къ Насильску и Пултуску , гдѣ должна была сосредоточиться армія. Въ генеральной баталіи , при семъ послѣднемъ городѣ , Графъ командовалъ впорою линіею. Къ вечеру ударилъ онъ на непріятели съ колонною , составленною изъ 6 бата-

ліоновъ, взятыхъ изъ 2 линіи лѣваго фланга, и довершили шѣмъ самымъ успѣхъ и славу сего достопамятнаго сраженія. Послѣ столь упорныхъ битвъ, Бонапарте принужденъ былъ удалиться почти непроходимыми путями и останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и формированія вновь своихъ войскъ. Со дня Пултусскаго до Эйлаускаго сраженія происходили однѣ только частныя и авангардныя дѣла. При Прейсишъ-Эйлау Графъ Осперманъ-Толстой поставленъ былъ со всею дивизіею на лѣвомъ крылѣ. Непріятель, по тщетномъ покушеніи на центръ арміи, напалъ съ превосходными силами на сіе крыло, которое оказало столь упорное сопротивленіе, что едва бы могли оному повѣрить, еслибъ не знали, что Графъ туль находился. Многократно, предводительствуя самъ Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, бросался онъ на непріятеля и опрокидывалъ его штыками. За сіи-то отважные подвиги, оказанные подъ личнымъ предводительствомъ Графа, Павловскіе Гренадеры сохранили шѣ самыя шапки, которыя имѣли на себѣ въ семь сраженій. Опличіе самое славное, ибо шапки ихъ почти всѣ пробиты непріятельскими пулями и служатъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ храбрости сего полка. Въ тѣ мѣста, гдѣ наиболѣе сыпались пули и картечи, въ тѣ мѣста преимущественно Графъ велъ солдатъ своихъ, возбуждая въ нихъ удивительнымъ образомъ мужество непоколебимою своею швердостію въ сіи ужасныя минуты. Почти всѣ его Адютанты въ сей незабвенный день были опасно ранены и нѣсколько лошадей убито подъ нимъ самимъ. Невольное, такъ сказать, перемиріе, происшедшее тогда по опустуленіи Французовъ на Гушштадтъ и Браунсбергъ; перемиріе, необходимое для обѣихъ сторонъ, дало время войскамъ отдохнуть отъ понесенныхъ ими трудовъ. Послѣ шаковаго отдохновенія, продолжавшагося нѣсколько

мѣсяцовъ, произошла опять кровопролитная битва при Гушшадтѣ. Графъ Осерманъ-Толстой, подвергавшійся всегда величайшимъ опасностямъ, очищая лѣсъ, въ кошоромъ засѣлъ многочисленный непріятель, раненъ былъ насквозь пулею въ лѣвую ногу, что и принудило его оставить сраженіе.

При заключеніи мира ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ объявить ему Свое благоволеніе и поручилъ въ команду Гвардейскую дивизію.

Домашнія дѣла Графа и разстроенное здоровье принудили его взять увольненіе отъ службы, которое и получилъ онъ 23 Октября 1810 года.

Въ 1812 году, въ сію достопамятную и единственную въ лѣтописяхъ міра эпоху, когда Европа съ ужасомъ взирала на несмѣнныя войска, испоргнуныя насиліемъ у всѣхъ почти народовъ швердой земли, идущія для разрушенія послѣдняго оплота ея независимости, послѣдней надежды ея избавленія; въ сію ужасную эпоху, когда повсюду было опчаяніе, но не въ сердцахъ только Россіянъ, ибо они готовы были жертвовать всѣмъ для спасенія своего отечества, и ни одинъ народъ не ожидалъ тѣхъ чудесъ, каковыя въ послѣдствіи времени совершены ихъ патріотизмомъ; при первомъ слухѣ о угрожающихъ Россіи опасностяхъ, Графъ Осерманъ-Толстой проситъ позволенія вступить паки въ службу, и не ожидая отъзвѣта Государя, боясь потерять одно мгновеніе для пользы Отечества въ столь сомнительныхъ обстоятельствахъ, спѣшилъ къ арміи Графа Витгенштейна. Вскорѣ послѣ того получаетъ онъ въ команду четвертый корпусъ и повелѣніе атаковать съ онымъ при Островѣ $\frac{13}{25}$ Іюля 1812 года два соединенные корпуса Мюраша и Принца Евгенія Богарне, для прикрытія движеній большой арміи, которой главнѣйшая и труднѣйшая цѣль со-

состояла въ томъ, чтобы соединиться скорѣе съ арміею Князя Багратиона. Сраженіе было самое кровопролитное. Многочисленность непріятелей послужила къ ихъ спыду и къ славѣ Графа Остермана-Толстаго. Успѣхъ Россіянъ въ сей упорной битвѣ по справедливости долженъ быть приписанъ ихъ предводителю, который, для ободренія ихъ, подвергался самымъ величайшимъ опасностямъ. При Бородинѣ Графъ занималъ съ симъ же самымъ корпусомъ центръ позиціи и явилъ новые удивительные опыты своей неустрашимости, которою сполько прославилъ себя на полѣ чести. Онъ способствовалъ также весьма много къ одержанію славной побѣды подъ Тарушинымъ. Разсброенное его здоровье отъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ споль ужасную зимнюю кампанію, принудило его оставить при Вильнѣ армію; но непреодолимое желаніе участвовать въ подвигахъ своихъ со товарищей вскорѣ его паки къ ней возвратило. Онъ явился подъ Бауценомъ 9 Маія 1813 года и получилъ въ команду опрядъ войскъ, который во время баталіи долженъ былъ прикрывать лѣвое крыло Россіянъ и занять высоты. Посреди самага сраженія, преодолевая съ безпредѣльнымъ мужествомъ всѣ опасности, раненъ онъ былъ пулею, которая пробила ему лѣвое плечо и принудила его вновь удалиться. Едва излѣчившись отъ раны, присоединился онъ паки къ арміи подъ спѣнами Дрездена. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ поручилъ ему тогда въ команду опдѣльный корпусъ, составленный изъ первой пѣхотной Гвардейской дивизіи, втораго корпуса арміи, весьма уже ослабленнаго отъ прежнихъ сраженій, и нѣсколькихъ полковъ кавалеріи, приказавъ наблюдать крѣпость Кенигсштейнъ и Пирнскій лагерь и прикрывать таковымъ образомъ правое крыло докторки Эльбы. Союзная армія, решившаяся отъ Дрездена чрезъ Динполдисвальдъ, должна была идти чрезъ непроходимыя по-

чпи горы. Бонапарте, желая воспользоваться столь труднымъ опспупленіемъ, послалъ по правому берегу рѣки превосходныя силы, которыя должны были овладѣть большою дорогою, ведущею изъ Дрездена къ Теплицу чрезъ мостъ, защищаемый Кенигсштейномъ, и приказалъ Генералу Вандаму опсправиться со всевозможною поспѣшностію къ Теплицу, дабы овладѣть проходами въ горахъ и запереть союзныя войска въ дефилеяхъ. Съ извѣстіемъ о сей реширадѣ, Графъ Осперманъ-Толстой получилъ повелѣніе выйти на Теплицкую дорогу, и въ случаѣ, если бы она занята была непріателемъ, соединиться съ главною арміею, решираясь на Дипполдисвальдъ. Въ то время, какъ шло къ нему сіе повелѣніе, непріатель овладѣлъ уже дефилеями, въ копорыхъ надѣялся удержаться, и опрѣзавъ все войско опъ Теплицкой дороги. Въ какомъ запруднительномъ положеніи находился тогда Графъ Осперманъ-Толстой! Онъ зналъ, сколь нужно было ему, для спасенія цѣлой арміи, не оставлять сей дороги и чувспвовалъ также всю трудность удержаться на оной съ малымъ своимъ корпусомъ. Всякому другому на его мѣстѣ показалось бы сіе невозможнымъ. Считая за ничто трудность предпріятія, въ сравненіи съ его важностію, рѣшился онъ овладѣть проходами, и собралъ совѣшь изъ бывшихъ при немъ Генераловъ единспвенно въ помя намѣреніи, чтобы воспользоваться ихъ согласіемъ. Мнѣніе однако ихъ было, что какъ въ таковомъ случаѣ предписывалось ему взять направление на Дипполдисвальдъ, то и не надлежало вступать въ столь неравное и опчаянное сраженіе, въ копоромъ вся храбрость Императорской Гвардіи должна необходимо уступитъ многочисленности непріателя. Тогда, слѣдуя, такъ сказать, своему только собственному совѣшу и принимая все на свою опвѣстственность, сказалъ онъ имъ: „Господа! предпріятіе это показа-

лось бы мнѣ самому дерзкимъ , если бы не полагался я на Государеву Гвардію. На что не можно опважиться съ первымъ корпусомъ Россійской арміи? Мнѣ совершенно извѣсна его храбрость, и я ручаюсь за успѣхъ. Сегодня же овладѣемъ мы проходами и спасемъ Теплицъ. Въ сію самую минути приказываетъ онъ начать атаку. Въ семъ достопамятномъ сраженіи видѣли повсюду Графа, гдѣ только увеличивалась опасность , и гдѣ слѣдственно присутствіе его было необходимо. Опважный вождь едва ли не болѣе оказалъ неустрашимости въ самомъ исполненіи дѣла, нежели въ предпріятіи онаго. Генералы, Офицеры, солдаты Императорской Гвардіи, словомъ, каждый стараясь превзойти другъ друга въ храбрости и мужествѣ, оправдали совершенно мнѣніе , какое имѣлъ объ нихъ ихъ предводитель , и доказали предъ цѣлымъ свѣтомъ, что первый корпусъ Россійской арміи былъ въ то же время и первымъ корпусомъ во всей Европѣ. Овладѣвъ проходами, храбрые сіи воины заняли при Кульмѣ позицію, противъ которой всѣ непріятельскія покушенія были уже тщетны. Таковымъ образомъ дали они способъ и время выйти изъ горъ арміи, которая подкрѣпила ихъ корпусъ, ослабленный исполнскимъ сраженіемъ. Въ чепыре уже часа, въ ту самую минути, когда Россіяне не сомнѣвались уже долѣе въ побѣдѣ, опорвало ядромъ у Графа лѣвую руку. Пошереею оной заплашилъ сей Герой за ту безсмертную славу , которою увѣнчалъ себя въ сихъ кровопролитныхъ битвахъ, происходившихъ 16 и 17 Августа 1813 года. На одрѣ болѣзни въ продолженіе нестерпимой операціи, оказалъ онъ ту же самую неустрашимость , какою отличался всегда на полѣ чести, посреди всѣхъ ужасовъ убійства и кровопролитія. Молитвы Россіянъ услышаны: излѣченіе Графа Остермана-Толстаго возвратило имъ надежду пожинать новые лавры подъ его предводительствомъ.

ALEXANDRE, FILS DE JEAN,
COMTE, OSTERMAN TOLSTOY,
LIEUTENANT - GÉNÉRAL.

ALEXANDRE, fils de JEAN, Comte OSTERMAN TOLSTOY, Chevalier des ordres de St. Alexandre Newsky; de St. Georges 2me classe; de St. Wladimir et de St^e. Anne, 1ère; de l'épée d'or, garnie en diamans, pour la bravoure; de l'aigle noir et de l'aigle rouge de Prusse. — Commandeur de l'ordre militaire de Marie Thérèse; entra dans la carrière militaire presque en naissant. Inscrit, en 1774, comme bas-officier, dans le régiment des Gardes de Préobragensky, il y fut promu aux grades de Sergent en 1780, d'enseigne en 1784, de sous-lieutenant en 1789, de lieutenant en 1791. Il passa de la garde à l'armée, lieutenant colonel dans le second bataillon des chasseurs du Bog, en 1793; Des chasseurs du Bog, Colonel dans le régiment de Riga infanterie, en 1796. Général-major et Chef du régiment de Schlussembourg, en 1798, il quitta, la même année, le service militaire pour le service civil, avec rang de conseiller-d'état actuel; rentra, comme général-Major, dans la carrière des armes, en 1801; et fut élevé, en 1806, au grade de Lieutenant-général, nommé commandant du régiment de Préobragensky, et chef de toute l'infanterie de la 1ère division.

Le Comte Osterman fit ses premières armes contre les Turcs, en 1788; Il marcha contre eux en Moldavie et en Bessarabie. En 1789, il se trouva à un combat sur la rivière de Calche, puis à la prise de Bender; En 1790, à l'assaut de Killia, à celui d'Ismaël, qui coûta tant de sang, enfin au dernier combat, livré près de la forteresse de Machine. Il se distingua dans toutes ces affaires, par un brillant courage, par une noble ardeur pour le métier de la guerre, qui dès-lors firent concevoir de lui les hautes espérances, qu'il a si bien remplies depuis, par tant de prodiges de valeur, à la gloire de son pays et des armes Russes.

En 1805, Le comte Osterman, déjà général-major depuis 1798, reçut le commandement d'un détachement, faisant partie du corps commandé par le Comte Tolstoy, qui, mis à terre dans la Poméranie Suédoise, alla occuper le Hanovre. Ce corps, aussi bien que celui du général Benningsen, avoit pour but d'opérer des diversions en faveur de la grande armée; mais ils n'eurent pas le tems d'agir, prévenus, dans leurs opérations, par la paix de Presbourg.

En 1806, le comte Osterman fut promu au grade de Lieutenant-Général. L'armée, rentrée dans les frontières de la Russie, recevant alors une nouvelle organisation, fut partagée en 12 divisions. Le comte fut chargé de commander la seconde, appartenant à l'armée du général Bennigsen, composée de quatre, et forte en tout de 50, à 55,000 hommes. Le 1er. Novembre, cette armée eut ordre de passer le Niemen sur quatre points. Sa première destination étoit d'aller en Saxe former l'aile gauche de l'armée de Prusse, qui occupoit les environs de Waimar; mais les malheurs inattendus, qui accablèrent alors cette Monarchie, forcèrent le général Bennigsen à s'arrêter sur le Narew.

A peine le quartier-général eut-il été établi à Pultusk, que le comte Osterman reçut l'ordre d'occuper, avec sa division, la po-

sition entre Pomischovo et Czernovo, au confluent du Narew et du Bug; point très-important, parce qu'on prévoyoit que l'ennemi, d'éterminé par les facilités que lui offroit le terrain, y tenteroit un passage. Le Comte vit bientôt s'avancer contre lui des forces infiniment supérieures. Le Maréchal d'Avoust, avec tout son corps, composé de 3 divisions d'infanterie et de la division des dragons de Beaumont, forma l'attaque. Fort du nombre de ses troupes, et de cette heureuse confiance que leur donnoit l'habitude de vaincre, il ne pouvoit s'attendre à une longue résistance. Le combat, brillant prélude d'une campagne meurtrière, dura 13 heures consécutives, et apprit aux Français de quoi sont capables les Russes, commandés par un chef habile et intrépide. Le courage et le patriotisme du Comte, exaltés par la difficulté de sa position et l'importance, qu'il attachoit avec raison à un début glorieux, se signalèrent par des prodiges, qui allumant dans l'âme de tous ses soldats l'ardeur, dont il étoit pénétré lui-même, en firent autant de héros. C'est un témoignage, que l'ennemi fut forcé de rendre à ce valeureux chef et à sa digne troupe. Après avoir maintenu, pendant toute la journée, avec des forces si inégales, la position de Czernovo, il reçut dans la nuit l'ordre de se retirer sur Nasielsk et Pultusk, où devoit se concentrer l'armée. Dans la bataille, qui fut livrée près de cette dernière ville, il commanda la seconde ligne. Vers le soir, attaquant et défaisant l'ennemi, avec 6 bataillons formés en colonne, et tirés de la seconde ligne du flanc gauche, il couronna, par le succès qu'il obtint sur ce point, la gloire de cette mémorable journée. A la suite de ces combats si opiniâtres, ayant toujours marché par des routes presque impraticables, Buonaparté se vit forcé de prendre des cantonnemens, pour rafraîchir et réorganiser ses troupes. Depuis la journée de Pultusk, jusqu'à celle d'Eylau, il n'y eut que des engagements partiels, et quelques affaires d'avant-garde.

A Preussich-Eylau, le Comte Osterman fut placé, avec sa division, à l'aile gauche. Cette aile, qui, lorsque l'ennemi eut échoué contre le centre, devint le but de toutes ses attaques, fit contre des forces infiniment supérieures, une défense si opiniâtre, qu'on auroit peine à y croire, si l'on ne savoit que le comte en étoit chargé. Plusieurs fois, marchant lui-même à la tête du régiment de Pavlofsky, il attaqua et renversa l'ennemi à la bayonnette. C'est à ces charges hardies, conduites par le général en personne, que les grenadiers de Pavlofsky durent la distinction de conserver les bonnets qu'ils portaient dans cette bataille; distinction des plus glorieuses, puisque ces bonnets, presque tous criblés de balles ennemies, sont un témoignage constant de la valeur de ce régiment. C'est surtout sur les points, où tomboit la plus épouvantable pluie de balles et de boulets, qu'ils se plaisoit à conduire lui-même l'attaque de ses colonnes, exaltant merveilleusement le courage de ses troupes, par son inébranlable fermeté dans ces terribles moments. Dans cette glorieuse journée, il eut plusieurs chevaux tués sous lui, et la plupart de ses aides-de-camp furent grièvement blessés. L'espèce d'armistice forcé, qui eut lieu alors, après la pénible retraite des Français sur Gutstadt et Braunsberg, armistice nécessaire aux deux partis, donna aux troupes le tems de se remettre des fatigues qu'elles avoient essuyées. Le 5 Juillet 1807, recommença, après un repos de quelques mois, cette lutte sanglante. A l'affaire de Gutstadt, le Comte Osterman, que son courage poussoit toujours au danger le plus éminent, forçant un bois fortement occupé par l'ennemi, fut atteint d'une balle, qui lui traversa la cuisse gauche, et le mit hors de combat.

A la paix, Sa Majesté lui donna un témoignage flatteur de sa satisfaction, en lui confiant le commandement de sa division des gardes.

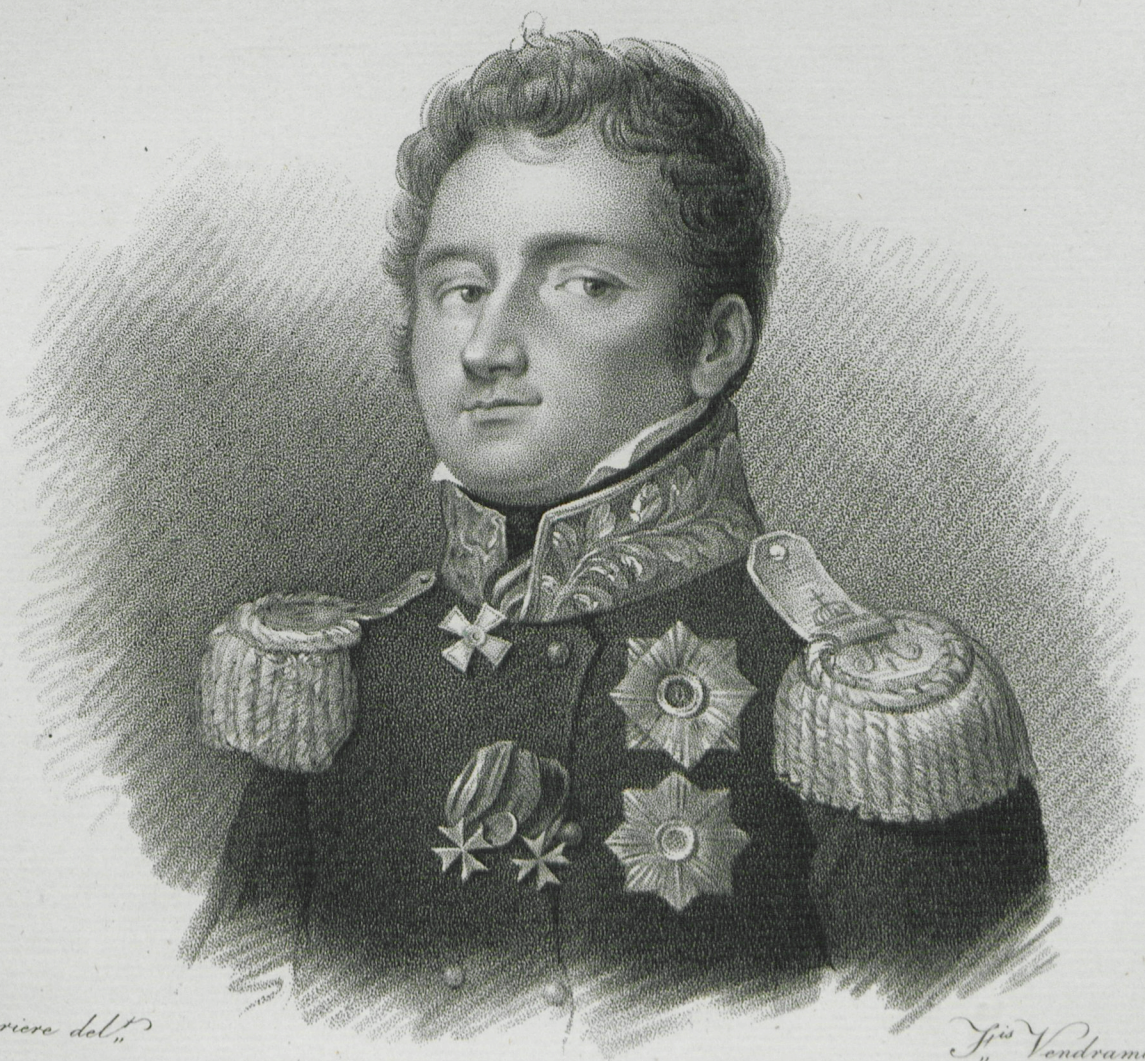
Ses affaires domestiques et sa santé délabrée l'obligeant à demander sa retraite, il l'obtint le 23 Octobre 1810, et ne reprit du service qu'en 1812.

A cette époque à jamais mémorable, époque unique dans les fastes du monde, où l'Europe vit avec terreur l'épouvantable colosse, formé de toutes les forces arrachées par la violence à presque tous les peuples de son continent, s'avancant pour renverser le dernier boulevard de son indépendance, faire tomber la dernière espérance de son salut; époque terrible, où le désespoir étoit partout, excepté dans l'âme des Russes, parce qu'ils avoient la conscience de leur patriotisme, et qu'aucun peuple ne pouvoit soupçonner les prodiges, dont il les rendoit capables; au premier bruit des dangers qui menacent la Russie, le Comte Osterman demande du service, et sans attendre la réponse de Sa Majesté, car il se seroit fait un crime de la perte d'un moment, qu'il eût manqué de consacrer à sa patrie, dans des circonstances aussi critiques, il se rend à l'armée du Comte Wittgenstein. Bientôt il obtient le commandement du quatrième corps d'armée, et pour protéger les mouvements de la grande armée, dont le but important, mais difficile à atteindre, étoit de se réunir à celle du Prince Bagration, il reçoit l'ordre d'attaquer à Ostrovna, le $\frac{1}{2}$ Juillet 1812, avec son faible corps, les deux corps réunis de Murat et du Prince Eugène de Beauharnois. L'affaire fut des plus meurtrières. La supériorité de l'ennemi tourna à sa honte et à la gloire du Comte Osterman: Le succès des Russes, dans cette sanglante journée, fut dû tout entier à la conduite héroïque de leur général, qu'ils apperçurent toujours au plus fort du danger. A Borodino, il occupa, avec son corps, le centre de la position, et y donna de nouvelles et étonnantes preuves de cette intrépidité, qui a illustré toute sa carrière militaire. Il eut encore la gloire de contribuer au succès de la fameuse bataille de Taroutina. A Vilna, sa santé détruite par toutes les secousses, qu'elle avoit éprouvées dans le cours de cette terrible campagne d'hiver, le força de quitter l'armée; l'impatient desir de par-

tager les travaux de ses frères-d'armes l'y ramena bientôt. Il reparut à Bautzen, le 9 Mai 1813, et prit le commandement d'un détachement, qui devoit, pendant la bataille, protéger la gauche des Russes, en occupant les hauteurs. Au milieu de l'affaire, affrontant tous les dangers, avec un courage qui ne connoissoit point de bornes, il fut atteint d'une balle, qui lui perça l'épaule gauche, et le força de s'éloigner de nouveau. Sa blessure à peine guérie, il rejoignit l'armée sous les murs de Dresde. Sa majesté lui confia alors le commandement d'un corps séparé, formé de la 1ère. Division d'infanterie des gardes impériales, du 2me. corps d'armée, très-affoibli par des combats antérieurs, et de quelques régiments de Cavalerie, le chargeant d'observer la forteresse de Königstein et le camp de Pirna, et de couvrir ainsi le flanc droit jusqu'à l'Elbe. L'armée alliée se retirant de dessous Dresde, pour passer par Dipodisvalde, étoit obligée de traverser des montagnes presque impraticables. Buonaparte, voulant profiter de cette retraite pénible, fit longer la rive droit du fleuve par des forces majeures, qui devoient s'emparer de la grande chaussée, menant de Dresde à Töplitz, par le moyen du pont défendu par Königstein, et ordonna au général Vandamme de pousser, avec toute la vigueur possible, jusqu'à Töplitz, afin de se rendre maître des débouchés des montagnes, et d'enfermer les alliés dans leurs défilés. Avec la nouvelle de cette retraite, le Comte Osterman reçut l'ordre de prendre la route de Töplitz, et, au cas qu'elle fût occupée par l'ennemi, de rejoindre le gros de l'armée, en se retirant sur Dipodisvalde. Le tems que l'ordonnance avoit mis à lui porter cet ordre, avoit donné à l'ennemi celui de s'emparer, sur la grande route, des défilés, dans lesquels il se tenoit sûr de ne pouvoir être forcé, et de couper la route de Töplitz à toutes les forces, qui se présenteroient. Dans cette position embarrassante, le Comte, qui sent vivement combien il importe

au salut de l'armée, qu'il n'abandonne pas cette chaussée, sent aussi toute la difficulté de s'y maintenir, avec le foible corps qu'il commande ; ce que tout autre que lui eût peut-être jugé tout-à-fait impossible. Ne comptant pour rien la difficulté de l'entreprise, comparée à son importance, il se décide à forcer le passage. Il demande l'avis de quelques uns de ses généraux, dans la vue seulement de s'appuyer de leur assentiment. Leur avis est, que dans ce cas, qui a été justement prévu, son instruction l'autorisant à se porter sur Dipodisvalde, il est prudent de ne point tenter une lutte, qui leur paroît téméraire, et dans laquelle toute la valeur des gardes Impériales se verra infailliblement forcée de céder au nombre. Ne prenant plus conseil que de lui-même, se chargeant seul de toute la responsabilité, „ Messieurs, leur dit-il, je crois „ rois comme vous l'entreprise téméraire, si je ne la tentois à la tête „ des gardes de Sa Majesté ; Ma confiance sans bornes dans le premier „ corps de l'armée Russe m'en garantit le succès. Je ne connois rien „ d'impossible à sa valeur. Aujourd'hui, maîtres du défilé, nous couvri- „ rons Töplitz. “ à l'instant il ordonne l'attaque. Dans cette mémorable journée, le comte, se portant partout où le danger plus grand rendoit sa présence plus nécessaire, se montra plus intrépide encore, s'il est possible, pour exécuter, que pour entreprendre. Généraux, officiers, soldats de la garde impériale, tous, rivalisant de courage et d'audace, prouvèrent que leur commandant n'avoit pas trop présumé d'eux, et que le premier corps de l'armée Russe n'étoit pas indigne d'être nommé le premier corps de l'Europe. Le défilé forcé, ils prirent près de Culm, une position, contre laquelle vinrent échouer tous les efforts de l'ennemi. Ainsi ils donnèrent à l'armée le tems de déboucher par les montagnes, et de venir renforcer leur corps, affaibli par un combat gigantesque. A quatre heures, au moment où les Russes commençoient à ne plus craindre de voir leur infatigable courage trahi par la victoire, le comte fut frappé d'un boulet, qui lui fracassa le bras

gauche. C'est ainsi qu'il paya la gloire immortelle, dont il s'étoit couvert dans ces combats sanglants, qui furent livrés le 16 et le 17 Août 1813. Sur le lit de douleur, au moment de l'amputation, il fut intrépide, comme il l'avoit toujours été au champ d'honneur, au milieu des horreurs du carnage. Les vœux des Russes ont été exaucés; la guérison du Comte Osterman leur a rendu l'espérance de le voir encore conduire leur valeureuses phalanges à la victoire.

F. Torricelli del.

F. Vendramini sculp.

*Cerum-npu
Tenepare Maiop.*

*Saint-priest
General Major.*

Published October 1814 by F. Vendramini N.º 14 Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЪ - МАІОРЪ и ГЕНЕРАЛЪ - АДЪЮТАНТЪ
ГРАФЪ ЕММАНУИЛЬ ФРАНЦОВИЧЪ
СЕНТЪ-ПРІЕСТЪ.

Графъ Еммануиль Францовичъ, Сентъ-Пріестъ, Кавалеръ Орденовъ: Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4го класса, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени большаго креста, Св. Анны 1-го класса, Св. Іоанна Іерусалимскаго и Прусскаго за заслуги, родился 6-го Маія 1776-го года; выѣхалъ изъ Франціи при началѣ революціи и находился въ кампаніи 1792-го года при войскахъ Принца Конде; вступилъ въ Россійскую службу Офицеромъ въ Инженерный Кадетскій Корпусъ въ 1793 году, а въ 1795 переведенъ Поручникомъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ. Во время Царствованія покойнаго ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I уволенъ отъ службы и находился при Его Королевскомъ Высочествѣ Герцогъ Ангуйемскомъ, исправляя при немъ должность Адъютанта въ продолженіе кампаніи 1799-го года. По восшествіи на престолъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го принятъ паки въ Россійскую службу съ чиномъ Полковника Гвардіи; въ 1805 году назначенъ Командиромъ Гвардейскаго Егерскаго Баталіона; въ 1810

Шефомъ 6-го Егерскаго полка и въ томъ же году произведенъ Адъютантомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Графъ Сеншъ-Пріесшъ началъ воинское свое поприще въ арміи Принца Конде. Въ 1805-году первый разъ пошелъ онъ прошивъ непріятелей подъ знаменами Россіи, командуя Бапаліономъ Гвардейскихъ Егерей. Сіи войны, подъ его предводительствомъ, явили то самое мужество и неуспрашимость, коими и въ послѣдствіи времени отличались при всякой встрѣчѣ съ непріятелемъ. По окончаніи кампаніи храбрый и достойный ихъ начальникъ награжденъ Орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Въ 1806-го году изъ двухъ Бапаліоновъ Гвардейскихъ Егерей составленъ былъ полкъ, который подъ предводительствомъ Графа Сеншъ-Пріесша подвергался новымъ опасностямъ и пріобрѣлъ новую славу. Первымъ шефомъ оной былъ Гупшпадшъ. 2000 человекъ защищали при Ломитенѣ мостъ; Графъ нападаетъ на нихъ съ храбрыми своими Егерями; непріятель, превосходный числомъ, оказываетъ самое упорное сопротивленіе: но многочисленность и опчаяніе должны были наконецъ уступить мужеству и храбрости Егерей; они овладѣли мостомъ. Дорого однако стоила имъ сія побѣда. Тотъ, кому наиболѣе приписывали они честь таковаго успѣха, храбрый и любимый ихъ предводитель получилъ въ семь дѣлъ опасную рану въ ногу, и принужденъ былъ оставить на всегда начальство надъ нимъ.

Не скоро излѣчился Графъ Сеншъ-Пріесшъ отъ своей раны и не прежде 1810-го года пришелъ въ состояніе служить паки новому своему Отечеству. Назначенъ будучи Шефомъ 6-го Егерскаго полка, отправился онъ въ Мол-

давскую армію, гдѣ пошъ полкъ тогда находился. Вско-
рѣ пошомъ произведенъ въ чинъ Генераль-Маіора за весьма
важное содѣйствіе съ его стороны при взятіи Базарджика.
Оказанные имъ подвиги въ сраженіяхъ при Шумлѣ и Батъ-
нѣ, при штурмѣ городовъ Сислова и Ловчи, гдѣ взялъ онъ
множество плѣнныхъ, и напослѣдокъ при проходѣ чрезъ Бал-
канскія горы, доставили ему большую славу, почетное зва-
ніе Генераль-Адъютанта ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-
ЧЕСТВА и Ордена: Св. Анны 1-го класса и Св. Князя Вла-
димира 2-й степени, которые пожалованы ему были въ слѣдъ
одинъ за другимъ.

Сердце Графа Сентъ-Пріестпа трепетало отъ любви ко
Франціи, когда долженъ былъ идти сражаться противъ
Французовъ. Сія-то священная любовь къ отечеству возж-
гла геройскій пламень въ душѣ сего нѣжнаго и вѣрнаго сы-
на, и подала ему силы къ пораженію заблуждшихъ его со-
братій, ослѣпленныхъ и неблагодарныхъ чадъ Франціи, про-
тивившихся истиннымъ пользамъ ихъ матери. Споль же
священное чувствованіе, соединясь съ первымъ, и не осла-
бля онаго, придало Герою сему новыя силы къ благород-
нымъ и великимъ подвигамъ, которыми не преславалъ онъ
оплачиваясь съ самага вступленія его на воинское поприще.
Бичъ Франціи поразилъ Россію, сіе гостепріимное Государ-
ство, содѣлавшееся для Графа Сентъ-Пріестпа впорымъ
отечествомъ; похищивъ престола Лудовика поклялся
низпровергнуть и престоль АЛЕКСАНДРА. Но мѣрѣ прибли-
женія вѣроломнаго врага сихъ двухъ добродѣтельнѣйшихъ
Монарховъ, умножалась приверженность и любовь къ нимъ
вѣрнѣйшаго и ревностнѣйшаго изъ ихъ подданныхъ. Въ не-
забвенную кампанію 1812-го года Графъ исправлялъ долж-
ность Начальника Главнаго Штаба при второй арміи, пред-

водительствуемой храбрымъ Княземъ Багратиономъ. Безчисленные заслуги, оказанныя сею армію; безпримѣрное благоразуміе, пертѣливость и мужество, съ каковыми поржесствовала она въ продолжительномъ ея опешупленіи надъ непреодолимыми почти затрудненіями; искусство ея маневровъ при переходѣ чрезъ Днѣпръ; героическое сопротивленіе въ день кровопролитной Бородинской битвы, гдѣ Князь Багратионъ и Графъ Сениъ-Пріестъ были ранены, доставили обоимъ симъ полководцамъ безсмертную славу.—Излѣчившись чрезъ мѣсяць потомъ отъ ранъ, участвовала въ преслѣдованіи непріятеля, и по Высочайшему повелѣнію имѣлъ попеченіе о бывшихъ въ Вильнѣ плѣнныхъ. Онъ исполнилъ волю великодушнаго Монарха съ таковымъ усердіемъ, что пріобрѣлъ вѣчныя права на благодарность сихъ несчастныхъ, и заслужилъ безпристрастные похвалы и удивленіе отъ всѣхъ очевидцевъ своихъ съ ними поспушковъ.

Въ началѣ 1813го года Графъ принялъ команду надъ авангардомъ корпуса Генерала Милорадовича, и достигши съ онымъ до Люцена, гдѣ находился нѣкоторое время подъ начальствомъ Генерала Винценгероде, отразилъ со своею дивизією многократныя нападенія непріятеля, въ шрое превосходившаго его числомъ. Напослѣдокъ принялъ онъ паки команду надъ арріергардомъ, при которомъ находился до самаго перемирія, и менѣе, нежели въ мѣсяць, выдержалъ осмнадцать сраженій,

По окончаніи перемирія Графъ Сениъ-Пріестъ назначенъ былъ Командиромъ 8го корпуса арміи. Въ кровопролитной Лейпцигской битвѣ, гдѣ столь трудно было опличиться, ибо на семъ обширномъ шептрѣ всѣ оказали безчисленные чудеса храбрости, Графъ ознаменовалъ особенно

свое мужество и искусство : онъ прогналъ непріятелей изъ селенія Шауфелдъ, овладѣлъ одними городскими воротами, и содѣйствовалъ чрезъ то весьма ощутительнымъ образомъ въ сію достопамятную эпоху къ спасенію и независимости Европы. Послѣ того направилъ онъ свой путь на Кассель, переправился при Кобленцѣ черезъ Рейнъ, держалъ нѣкоторое время въ осадѣ Майнцъ, и наконецъ оставилъ оный, чтобы соединиться съ большею арміею. Такъ какъ Реймсъ сдѣлался весьма важнымъ пунктомъ для соединенія арміи Фельдмаршала Блюхера съ арміею Князя Шварценберга, то Графъ пошелъ на сей городъ и овладѣлъ онымъ. Взятіе Реймса, 2,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного Генерала и 10 пушекъ, было слѣдствіемъ самой быстрой и весьма благоразумно расположенной атаки. Сія послѣдняя услуга, оказанная Графомъ, доставила столь важную Союзникамъ выгоду, что Наполеонъ употребилъ всѣ усилія, дабы отнять у нихъ обратно сей городъ. Рѣшившись, во что бы ни стало, овладѣть паки Реймсомъ, пришелъ онъ къ нему $\frac{1}{3}$ Марша съ 40,000 человекъ войска. Всякое сопротивленіе противъ столь превосходной силы казалось невозможнымъ; но Графъ рѣшился защищать сіе мѣсто, ибо оно было весьма важно, рѣшился удержатъ его или погибнуть. Онъ сдѣлалъ уже самыя благоразумныя распоряженія для столь неравной битвы, какъ вдругъ, къ несчастію, пушечнымъ ядромъ раздробило ему правое плечо. Онъ упалъ безъ чувствъ и перенесенъ былъ въ Лаонъ, гдѣ скончался $\frac{1}{29}$ Марша 1814-го года.

Такимъ-то образомъ земля Франціи приняла въ себя останки Героя, которому дала рожденіе; который въ опдаленіи отъ нее не преспавалъ любить ее и возсылать мольбы о ея благосостояніи; который своими благородными ка-

чествами и добродѣтелями дѣлалъ честь Французской на-
ціи; который, сражаясь подъ чужими знаменами пропавъ
своей земли, надѣялся, нѣкогда служить ей, который, на-
конецъ, вошелъ для того только въ свое отечество, что бы
кончить тамъ жизнь, сражаясь для избавленія онаго отъ
жесточайшаго и ненавистнѣйшаго хирана.

EMMANUEL, COMTE DE SAINT-PRIEST,

GÉNÉRAL-MAJOR, AIDE-DE-CAMP

DE SA MAJESTÉ.

EMMANUEL, COMTE DE SAINT-PRIEST, Chevalier des ordres de St. Georges 4me classe, Ste.-Wladimir 2me; St.-Anne 1ère; du mérite de Prusse; commandeur de l'ordre de St.-Jean de Jérusalem; né le 6 Mai 1776, sorti de France, à l'époque de la révolution, fit la Campagne de 1792 dans l'armée de Condé, fut reçu, en 1793, au service de Russie, comme officier au corps des cadets de l'artillerie, et placé comme lieutenant dans le régiment des gardes de Sémenowsky, en 1795. Congédié sous le règne de S. M. l'Empereur PAUL Ier, Il accompagna S. A. R. Monseigneur Le Duc d'Angoulême, pendant ses voyages, et remplit, auprès de ce Prince, les fonctions d'aide-de-camp, pendant la campagne de 1799. Repris au service de Russie, en qualité de Colonel aux Gardes, à l'avènement de S. M. l'Empereur ALEXANDRE Ier. au trône; nommé, en 1805, commandant du bataillon des chasseurs de la garde; Chef du 6me régiment de chasseurs, en 1810, il fut élevé, la même année, au grade de Général-Major, avec le glorieux titre d'aide-de-Camp de Sa Majesté.

Le Comte de Saint-priest avoit fait ses premières armes dans l'armée de Condé; en 1805, il marcha, pour la première fois, à

l'ennemi, sous les drapeaux de la Russie. Il commandoit alors le bataillon des chasseurs de la garde. Ces chasseurs, sous sa conduite, se signalèrent par une valeur, dont ils n'ont jamais cessé, depuis, de donner, en toute rencontre, les marques les plus éclatantes. La bravoure du Comte, digne commandant d'une troupe aussi intrépide, lui mérita l'honneur d'être décoré, à la fin de cette campagne, de la croix de St.-Georges 4me classe.

En 1806, les chasseurs de la garde, portés à deux bataillons, formèrent un régiment, et, toujours commandés par le Comte, marchèrent à de nouveaux dangers; c'étoit marcher à une nouvelle gloire. Guttstadt en fut le principal théâtre: La tête de pont de Lomitten est défendue par 2000 hommes; Le Comte mène ses chasseurs à l'attaque; l'ennemi, supérieur en nombre, leur oppose la plus vigoureuse résistance; Ils triomphent du nombre et de la valeur; la tête de pont est emportée; mais ils payent cher un si brillant succès: celui auquel ils en rapportent le principal honneur, leur brave commandant, grièvement blessé à la jambe dans cette action, est obligé de s'éloigner d'eux; et s'en éloigne pour ne plus jamais marcher à leur tête.

Sa guérison fut lente, et ne lui permit pas de reprendre du service, avant 1810. A cette époque, nommé chef du 6me régiment de chasseurs, il se rendit à l'armée de Moldavie, dont ces chasseurs faisoient partie. Elevé bientôt au grade de Général, pour sa puissante coopération à la prise de Bazardjik, il dut à sa conduite habile et valeureuse dans les affaires de Schumla et de Botine, à la prise des villes de Sistoff et de Loftcha, qui fit tomber un grand nombre de prisonniers en son pouvoir, à sa marche dans les Balkans, une brillante réputation militaire, le glorieux rang d'aide-de-Camp de Sa Majesté Impériale, et les ordres de Ste.-Anne 1ère classe et de St.-Wladimir 2me, dont il fut successivement décoré.

En marchant contre les Français, le Comte de Saint-priest avoit toujours senti son cœur palpiter d'amour pour la France. C'est, par dessus tout, cet amour sacré de la patrie, qui avoit allumé l'ardeur guerrière de ce fils tendre et fidèle, combattant des enfans égarés, armés contre les véritables intérêts de leur mère. En 1812, un sentiment, non moins puissant, non moins sacré, se joignant au premier, sans l'affaiblir, donna une nouvelle énergie à toutes les nobles et généreuses passions par lesquelles le Comte n'avoit cessé de se distinguer, depuis son entrée dans la carrière des armes. Le fléau de la France frappant la Russie, cette terre hospitalière, devenue pour le Comte de Saint-priest une seconde patrie, l'usurpateur du trône de Louis, jurant de renverser celui d'ALEXANDRE, fit sentir, à l'un des plus zélés serviteurs de ces deux Princes, tout ce qu'ont de plus puissant l'honneur, l'amour et la reconnoissance, exaltés à l'approche du sacrilège ennemi de ces deux Vertueux Monarques. Dans cette mémorable Compagne de 1812, le Comte remplit les fonctions de Chef d'Etat-Major de la seconde armée, commandée par le brave Prince Bagration. Les services incalculables, rendus par cette seconde armée, les prodiges de conduite, de patience et de valeur, par lesquels elle sut triompher, dans sa longue retraite, de difficultés qui paroisoient insurmontables, l'habileté de ses manœuvres, lors du passage du Dnieper, son héroïque résistance à la sanglante journée de Borodino, où le Prince Bagration et le Comte de Saint-priest furent tous deux blessés, sont d'incontestables titres à la gloire, communs à ces deux braves guerriers. Guéri, un mois après, le Comte prit part à la poursuite de l'ennemi, et chargé, par l'Empereur, du soin des prisonniers à Vilna, il y remplit les généreuses intentions du Monarque, avec un zèle qui lui acquit des droits à l'éternelle reconnoissance de ceux qui en furent l'objet, et à l'admiration de tous ceux qui en furent témoins.

Au commencement de 1813, il reçut le commandement de l'avant-garde du général Miloradovitsch, et la conduisit jusqu'à Lutzen, où, placé temporairement sous les ordres du général Wintsingérode, il soutint, avec sa division, les attaques d'un ennemi trois fois supérieur en nombre. Il reprit en suite le commandement de l'arrière garde, jusqu'à l'époque de l'armistice, et soutint dix-huit combats en moins d'un mois.

A la reprise des hostilités, le Comte de Saint-priest fut nommé chef du 8me corps d'armée. Dans les sanglants combats de Leipsick, où il étoit si difficile de se faire distinguer, parceque tous méritoient de l'être, sur ce grand théâtre, où tant de brillants faits d'armes se perdirent dans la foule des prodiges de valeur qui signalèrent ces journées à jamais mémorables, le Comte sut encore faire remarquer sa valeur et son habileté; et, en emportant le village retranché de Schaufeld, en s'emparant d'une des portes de la ville, mériter qu'on la citât, parmi ceux qui, à cette glorieuse époque, concoururent sensiblement au salut et à l'indépendance de l'Europe. Il dirigea ensuite sa marche sur Cassel, passa le Rhin à Coblentz, bloqua Mayence pendant quelque tems, puis se mit en marche pour se réunir à la grande Armée. Rheims étant devenu un point d'une haute importance, pour la communication de l'armée du Maréchal Blucher, avec celle du Prince Schwartzenberg, le Comte marcha sur cette ville et s'en rendit maître. Ce fut à la vigueur de l'attaque la plus sagement combinée, qu'il dut l'occupation de cette ville, la prise d'un général, de 2000 h. et de 10 canons. Ce dernier service, rendu par le Comte, procuroit un trop grand avantage aux alliés, pour que Napoléon ne fit pas les derniers efforts, pour le leur enlever. Ayant résolu de reprendre Rheims à tout prix, le 1er Mars, il s'y porte avec 40,000 h. Contre une force aussi supérieure, toute résistance paroît impossible; mais le Comte, ne consultant que son zèle, ne peut croire tout-à-fait impossible la défense d'une ville, dont la

conservation est si utile; Il veut périr ou la sauver. Ses dispositions faites pour la lutte la plus inégale, mais de sa part la plus généreuse, il est malheureusement atteint d'un boulet, qui lui fracasse l'épaule droite; Il tombe sans connoissance. Transporté à Laon, il y mourut des suites de sa blessure, le $\frac{17}{29}$ Mars 1814.

Ainsi la terre de France a recueilli les restes d'un Brave, auquel elle avoit donné la naissance; qui, loin d'elle, n'avoit jamais cessé de la chérir, de faire des vœux pour son bonheur, d'honorer le nom français par l'exercice des plus nobles vertus, de nourrir, en combattant sous des drapeaux étrangers à son pays, le desir et l'espérance de le servir, et qui enfin n'est rentré dans sa patrie, opprimée par le plus cruel des tyrans, que pour mourir en combattant pour sa délivrance.

Sculp. J. J. Toriere del.

Sculp. J. J. Vendramini sculp.

Dorochoff
Генералъ Неіменантб.

Dorochoff
Lieutenant - General.

Published October 1814 by J. J. Vendramini N° 14. Brompton Row London.

ГЕНЕРАЛЬ - ЛЕЙТЕНАНТЬ.

ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ДОРОХОВЪ.

Иванъ Семеновичъ Дороховъ, Кавалеръ Орденовъ: Св. Анны 1 класса, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3 класса, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2 степени большаго креста, Золотой сабли, украшенной алмазами съ надписью: *за освобожденіе Вереи*, и Прусскаго Краснаго Орла большаго креста, родился въ 1762 году; вступилъ въ службу въ Инженерный Кадетскій Корпусъ Кадетомъ 30 Октября 1783, произведенъ Капраломъ 26 Февраля 1787, Подпорщикомъ 12 Сентября; вынущенъ въ армію Поручникомъ и опредѣленъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ 15 Октября того же года, переведенъ въ Малороссійскій Гренадерскій полкъ 8 Февраля 1790, произведенъ Капитаномъ 30 Марта того же года, перемѣщенъ изъ Малороссійскаго въ Фанагорійскій Гренадерскій полкъ 14 Февраля 1791, изъ онаго въ Черниговскій пѣхотный 13 Октября 1792, Маіоромъ въ Воронежскій Гусарскій 21 Апрѣля 1795, по расформированіи же сего полка въ Сумскій Гусарскій 9 Февраля 1797, въ Гусарскій же Чорбы 21 Августа 1798, пожалованъ Подполковникомъ въ Лейбъ Гусарскій полкъ 12 Сентября того же года, Полковникомъ въ Сумскій Гусарскій 13 Марта 1802, Генераль-Маіоромъ и Шефомъ въ Изюмскій Гусарскій полкъ 7 Августа 1803, напослѣдокъ Генераль-Лейтенантомъ 10 Октября 1812 года.

Дороховъ, родившійся, такъ сказать, настоящимъ солдатомъ, началъ военные свои подвиги въ Польшѣ и въ Молдавіи въ 1788 году. Въ 1789 находился онъ въ сраженіяхъ, а именно: 26 и 27 Апрѣля у рѣки Сиреша при деревнѣ Максимени, гдѣ непріятель, по тщетномъ покушеніи овладѣвъ вагенбургомъ, обращенъ былъ въ бѣгство; 20 Іюня при Пупнѣ; 27 того же мѣсяца при взятіи Фокшанъ и штурмъ репраншаментна каменнаго замъ монастыря, также при взятіи непріятельскаго лагеря и артиллеріи; 11 Сентября при Тергоуколѣ, Крейгумейлорѣ и на генеральной при рѣкѣ Рымникѣ баталіи, продолжавшейся цѣлый день и окончившейся совершеннымъ пораженіемъ главной Турецкой арміи подъ предводительствомъ Великаго Визиря. За оказанное имъ въ сей кровопролитной битвѣ мужество произведенъ онъ въ чинъ Капитана. Послѣдній подвигъ, въ которомъ Дороховъ въ томъ же самомъ году участвовалъ, было взятіе непріятельскаго репраншаментна со всею полевою и осадною Турецкою артиллерію. Въ 1791 году находился онъ также при разбитіи за Дунаемъ многочисленныхъ непріятельскихъ силъ и завладѣніи ихъ лагеремъ.

Въ 1794 году открылось новое поприще его подвигамъ въ кампаніи противъ Польскихъ мятежниковъ. Во время происшедшаго въ Варшавѣ 6 и 7 Апрѣля того года бунта находился онъ въ баталіонѣ Секундъ-Маіора Кіевскаго Гренадерскаго полка Депрерадовича, и посланъ будучи имъ съ одною только пушкою и ротою того полка противъ многочисленной мятежнической толпы, четыре раза отражалъ оную, и наконецъ, потерявъ всѣхъ при своей пушкѣ канонеръ, дѣйствовалъ оною самъ, отбилъ штыками у непріятели одно орудіе и не смотря на то, что имѣлъ уже двѣ раны, удержалъ постъ свой въ безпрестанномъ огнѣ въ про-

долженіи 36 часовъ; узнавши же о ретирадѣ Главнаго Начальника Генераль-Аншефа Игельстрома, пробился съ малымъ отпашкомъ своихъ солдатъ сквозь Поляковъ, соединился съ нимъ и вышелъ изъ Варшавы. Едва излѣчившись отъ ранъ, получилъ въ команду до 200 Донскихъ Козаковъ, съ коими расположившись въ Ловчахъ, содержалъ передовые посты вышедшаго изъ Варшавы корпуса. 23 Маія посланъ былъ отъ Генераль-Маіора Новицкаго занять мѣстечко Мѣднаницы, гдѣ нашедъ непріятельскую паршію до 100 Улановъ, совершенно испребилъ оную, кромѣ ея Начальника и 20 человекъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. По распущеніи бывшихъ въ командѣ Козаковъ къ ихъ настоящимъ полкамъ, состоялъ онъ подъ Начальствомъ Генераль-Поручика Графа Ферзена. Въ продолженіе Варшавской блокады употребляемъ былъ во всѣхъ трудныхъ и опасныхъ дѣлахъ, преодолевалъ мужествомъ своимъ самыя величайшія затрудненія, шоржесествовалъ надъ всѣми опасностями, достигая всегда предназначенной цѣли и исполняя дѣлаемые ему отъ Начальства порученія съ величайшею точностію и благоразуміемъ. 23 Сентября, послѣ переправы чрезъ рѣку Вислу, посланъ былъ для скорѣйшаго доставленія извѣстія о успѣхѣхъ перваго десанта. 29 числа того же мѣсяца, при Мацевицѣ отправленъ былъ, въ самыя опаснѣйшія мѣста съ приказаніями Графа Ферзена, которыя исполнилъ съ удивительною поснѣшностію и съ надлежащею точностію. 24 Октября, при штурмѣ Праги, былъ съ охотниками и баталіона Екаперинославскаго Егерскаго полка въ 5 колоннѣ, коею командовалъ тогда Генераль-Маіоръ Тормасовъ. Секундъ-Маіоръ Зыбинъ шелъ впереди оной колонны подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ и убитъ былъ передъ самымъ рвомъ Польской бапарен. Дороховъ заступилъ его мѣсто, а

въ сопровожденіи чепырехъ только егерей, вскочилъ первый на бапарею, поражая своеручно изумленнаго непріятеля. Золотой знакъ для ношенія въ пеплицѣ и чинъ Маіора были наградою сего героическаго поступка, который бы, можешь спасться, сочли единою дерзостію, если бы оный не былъ оправданъ въ полной мѣрѣ успѣхомъ.

Въ 1805 году, съ 5 Сентября по 23 Октября, Дороховъ находился въ Галлиціи; съ 23 Октября по 25 Ноября въ Пруссіи; съ 25 Ноября по 30 въ Мекленбургъ Стрелицѣ; съ 30 Ноября по 10 Декабря въ Мекленбургъ-Шверинѣ, а съ сего времени по 28 Января 1806 года въ Ганноверѣ, откуда уже возвратился въ Россію.

Въ томъ же самомъ году 28 Октября выступилъ опять въ походъ въ Прусскіе предѣлы и находился въ сраженіяхъ, противъ Французовъ; 29 Ноября, 4 и 6 Декабря при селеніи Помиховѣ, 10 и 11 при деревнѣ Блондовѣ, 12 при Чикчинѣ и мѣстечкѣ Насельскомъ, а 14 въ Генеральной баталіи подъ городомъ Пултускомъ. За благоразумныя распоряженія по аванпостамъ при рѣкахъ Вислѣ и Вкрѣ, за оказанные имъ подвиги въ Пултускомъ сраженіи, Генераль Дороховъ имѣлъ щастіи получить благодарность отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и награжденъ орденомъ Св. Великомученика Георгія 3 класса. Въ 1807 году явилъ онъ новые опыты своего мужества и ревности: 21 Января при реширадѣ чрезъ мѣстечко Ольштейнъ къ селенію Янкову, 22 и 23 при Янковѣ, 24 прикрывая отступленіе войскъ, 25 въ сраженіи при деревнѣ Гофѣ, гдѣ получилъ сильную контузію въ ногу, за что пожалованъ ему орденъ Св. Владиміра 3 степени. По излеченіи возвратился немедленно къ арміи и принялъ паки команду надъ своимъ полкомъ. Послѣ того находился въ сраженіи при Лаунау 27 Февраля, съ 29 Апрѣля по 2 Мая въ движеніяхъ противъ непріятеля за Гейлсбергомъ, съ

2 Іюня по 6 при отступленіи отъ мѣстечка Дрейнфурта до деревни Тюлпекъ, и наконецъ 7 и 8 числа того же мѣсяца при переправѣ чрезъ рѣку Нѣмень въ Россійскіе предѣлы. Его Величество Король Прускій, желая изъявить отличное свое уваженіе Генералу Дорохову за оказанныя имъ въ кампаніяхъ 1806 и 1807 года противъ Французовъ заслуги, наградиъ его орденомъ Краснаго Орла 1 класса. По окончаніи войны пожалованы полку его серебряныя трубы съ надписью: за храбрость, съ Георгіевскими крестами и лентами, и въ память безсмертныхъ подвиговъ и заслугъ сего полка, дана оному грамата за собственноручнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ.

Въ 1808 году съ 14 Апрѣля по 16 Октябрю Генераль Дороховъ находился при укрѣпленіяхъ и защитѣ береговъ Балтійскаго моря противъ соединенныхъ Англинскаго и Шведскаго флотовъ отъ деревни Красной Горки до города Балтійскаго Порша, а въ 1809 съ 1 Маія по 23 Сентября отъ города Ревеля до рѣки Наровы.

Въ 1812 году, когда война, соединивъ неслыханныя до того силы противъ Россіи нанесла ей ужасныя бѣдствія и подвергнувъ ее величайшимъ опасностямъ, возвела чрезъ то самое на высшую степень славы, умножилась и слава храбраго Генерала Дорохова, который самымъ блистательнымъ образомъ окончалъ воинское свое поприще. Началомъ важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ въ послѣднюю кампанію, были движенія его противъ непріятеля на границѣ съ авангардомъ 4 корпуса отъ города Гродно до мѣстечка Олипы съ 1 по 16 Іюня. Съ 16 по 26 число того же мѣсяца продолжалось славное его отступленіе между корпусами Даву и Іеронима Бонапарте отъ рѣки Нѣменя до мѣстечка Столпцовъ, гдѣ соединился со 2 Западною арміею, бывъ ежедневно до того въ сраженіи съ непріятелемъ, который тщетно

но дѣлалъ всѣ усилія, дабы воспротивиться шаковому соединенію. Съ 26 Іюня по 5 Іюля, по повелѣнію Главнокомандующаго сею арміею Князя Багратиона, прикрывалъ лѣвый флангъ оной до крѣпости Бобруйской. Съ 7 по 21 Іюля слѣдовалъ къ Смоленску для соединенія съ большею арміею, находился въ сраженіяхъ: 27 при селеніи Лешнѣ въ Авангардѣ; 4, 5 и 6 Августа при Смоленскѣ, гдѣ участвовалъ во всѣхъ подвигахъ и опасностяхъ; 7 числа того же мѣсяца при опшупленіи арміи отъ Смоленска въ арріергардѣ и раненъ въ семь послѣднемъ дѣлѣ пулею въ лѣвую руку. Съ 7 по 24 Августа командовалъ кавалеріею арріергарда, прикрывая опшупленіе арміи къ Бородину. Въ генеральной баша-ліи при семь селеніи, гдѣ напріюшизмъ Рускихъ, явившійся во всей своей силѣ, казалось, усугубилъ ихъ крѣпость и мужество, гдѣ солдаты, Офицеры, Генералы, однимъ словомъ всѣ, приобрѣли священныя права на благодарность своего опечества, на щедроты Государя, и поставили величайшаго изъ Монарховъ въ необходимость наградить одни только необыкновенные подвиги, Дороховъ сдѣлался достойнымъ столь лестнаго опшичія и произведенъ въ чинъ Генераль-Лейтенанта. Съ 27 Августа по 2 Септября прикрывалъ онъ опшупленіе войскъ къ Москвѣ, подвергаясь самымъ величайшимъ опасностямъ. Конецъ воинской его жизни уже приближался, и казалось, что онъ его предчувствовалъ. Ревность его къ служенію Опечеству возрастала по мѣрѣ того, чѣмъ менѣе оставалось ему времени служить оному. 6 и 7 Септября, командуя опдѣльнымъ отъ арміи опрядомъ, разбилъ чепыре непріятельскіе кавалерійскіе полка при селѣ Знаменскомъ, а съ 7 по 13, въ экспедиціяхъ на Можайской дорогѣ, испреблялъ запасныя пороховыя парки, обозы и паршіи, идущія отъ Смоленска къ Москвѣ; 13 уничтожилъ совершенно непріятельскій гвардейскій опрядъ, со-

сползший изъ пѣхоты и конницы подъ командою Полковника Моршье. 29 Сентября взялъ штурмомъ Верейскія укрѣпленія. Непріятельское знамя было трофеемъ, а сабля, украшенная алмазами, съ надписью: *за освобожденіе Вереи* наградою сей славной побѣды. Съ 6 по 12 Октября на Боровской дорогѣ и у селенія Фоминскаго находился въ ежедневныхъ сшибкахъ съ непріятелемъ; 12, въ послѣдній уже разъ сражался при Маломъ Ярославцѣ, и при окончаніи сраженія раненъ на вылетѣ пулею въ лѣвую ногу. Сей послѣдній его подвигъ награжденъ былъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2 степени большаго креста.

По приѣздѣ его Санктпетербургъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ желая оказать новые знаки Своего благоволенія къ заслугамъ столь храбраго Генерала, оказаннымъ имъ въ кампаніи 1812 года, пожаловалъ ему орденъ Св. Анны 1 класса, и принявъ во уваженіе почтенную бѣдность сего Героя, который служилъ весь вѣкъ отечеству, не заботился о своемъ состояніи, обезпечилъ на всю жизнь его существованіе Своими Монаршими щедротами.

Недолго однако Генераль Дороховъ пользовался наградою своихъ подвиговъ. Онъ скончался въ Тулѣ, въ ночи съ 25 на 26 Апрѣля 1815 года. Верейскіе жители почли для себя священнымъ долгомъ исполнить послѣднюю его волю. Они приняли, оросили слезами благодарности и съ благоговѣніемъ опустили при храмѣ останки сего нестрашимаго и Героя въ ту землю, которую онъ защитилъ и избавилъ отъ нечестиваго врага своего Отечества.

JEAN, FILS DE SIMON,
DOROCHOFF,
LIEUTENANT - GÉNÉRAL.

JEAN, fils de SIMON, DOROCHOFF, Chevalier de Ste.-Anne 1re classe; de St.-Georges 3me; de St.-Wladimir 2me; de l'Epée en diamans, avec cette inscription: *Pour Wéreyha délivrée*; — Grand-Groix de l'Aigle-Rouge de Prusse; né en 1762; Cadet le 30 Octobre 1783, Caporal, le 26 Février 1787, Bas-Officier le 12 Septembre même année, dans le corps des Cadets du Génie. Lieutenant à l'armée, dans les chasseurs de Smolensk, le 15 Octobre 1787; dans les grenadiers de la Petite-Russie, le 8 Février 1790; capitaine dans le même régiment, le 30 Mars même année; dans le régiment de Fanagorie, le 14 Février 1791; dans celui de Tschernigoff, le 13 Octobre 1792; major, le 21 Avril 1795, aux hussards de Woronège; le 9 Février 1797, aux hussards de Soumskoy; le 21 Août 1798, aux hussards de Tschorba; lieutenant-colonel aux hussards de la garde, le 12 Septembre, même année; colonel aux hussards de Soumskoy, le 13 Mars 1802; général-major, chef des hussards d'Isume, le 7 Août 1803; fut élevé le 10 Octobre 1812 au grade éminent de Lieutenant-Général.

JEAN DOROCHOFF, que la nature avoit créé soldat, débuta dans la carrière de la guerre, en Pologne, puis en Moldavie, l'an 1788. En 1789, les 26 et 27 Avril, il se trouva, près de la rivière Sirète, au village Maximini, dans une affaire, où l'ennemi fut mis en fuite, après avoir échoué dans son entreprise sur les équipages de l'armée; le 20 Juin à celle de Poutna; le 27 même mois, à la prise d'un camp et des canons de l'ennemi; le 11 Septembre près Torgoucoucolé, Kreigoymeiloré, et la rivière Rimnique, à une bataille générale, qui dura toute la journée, et fut glorieusement terminée par la défaite de l'armée turque et la déroute complète du Grand-Visir. Sa conduite dans cette sanglante bataille le fit élever au grade de Capitaine. Le dernier exploit, auquel il eut part cette année, fut la prise d'un retranchement et de toute l'artillerie de campagne et de position de l'ennemi. En 1791, il marcha à l'attaque d'un camp, qui fut enlevé à un ennemi supérieur en nombre.

Il fit la campagne de 1794, contre les insurgés polonais. Les 6 et 7 Avril, à la révolte de Varsovie, servant dans le bataillon du Major en second Dépréradovitsch, il fut envoyé, avec le cinquième peloton du régiment et un canon, contre les rebelles, les culbuta quatre fois, perdit tous ses canonniers, en fit lui-même les fonctions, enleva un canon à l'ennemi, et, quoique blessé deux fois, garda son poste pendant un combat de 36 heures. Instruit de la retraite du général en chef, Baron d'Igelström, il se joignit à lui, se faisant jour, avec le peu d'hommes qui lui restoit, à travers les Polonais, et sortit ainsi de Varsovie. A peine guéri de ses blessures, commandant 200 Cosaques du Don, il prit position à Wlavtscheff, et fit les avant-postes du corps sorti de Varsovie. Le 19 Mai, chargé, par le Général-Major Navitsky, d'occuper le bourg Médnévitsi, il y trouva 100 Hulands ennemis, les tailla en pièces, à la réserve du chef et de 20 hommes, qu'il garda prisonniers. Après avoir rejoint le Général-Lieu-

tenant, Comte Fersen, il renvoya ses Cosaques dans leurs régimens respectifs, et resta attaché à la personne de ce général. Pendant tout le siège de Varsovie, on le vit, dans toutes les escarmouches, dans toutes les entreprises les plus hasardeuses, à force de valeur, renverser les obstacles, triompher des périls, marcher à son but et l'atteindre, avec une précision et une ponctualité toujours admirables. Le 23 Novembre, au passage de la Vistule, il fut chargé d'aller annoncer le succès du premier débarquement. Le 29, même mois, près Martzé-vitz, envoyé par le Comte Fersen porter ses ordres, dans des endroits, on ne peut plus périlleux, il s'acquitta de ces messages, avec une exactitude, étonnante même de la part d'un aussi intrépide officier. Le 24 Octobre, à l'assaut de Prague, il marchoit dans la cinquième colonne du Général Tormazoff, à la tête du régiment des chasseurs de Catherinoslaw; le major en second, Zibine, conduisant sa troupe à l'ennemi, tomba mort près du fossé, renversé par le feu de la batterie Polonoise. Dorochoff prit sa place, et suivi de quatre chasseurs, monta à la brèche, renversant de sa main l'ennemi, également épouvanté de son terrible aspect et de la rapidité de ses coups. La croix en or et le rang de Major furent la récompense bien méritée de cet acte d'héroïsme, qui peut-être eût passé pour téméraire, si le succès ne l'eût justifié.

En 1805, du 5 Septembre jusqu'au 23 Octobre, il fut en Gallicie; du 23 Octobre jusqu'au 25 Novembre, en Prusse; du 25 Novembre jusqu'au 30 à Mecklenbourg - Strelitz; du 30 Novembre au 10 Décembre, à Mecklenbourg-Schwerin, puis jusqu'au 28 Janvier 1806, en Hanovre, d'où il retourna en Russie.

Le 28 Avril 1806, il se porta de nouveau hors des frontières; entra en Prusse le 28 Octobre; combattit contre les Français, le 29 Novembre; le 10 et le 11, près Blandow; le 12, près Tschitschinomé, et Nasielsk; le 24, dans l'affaire générale près Pultusk. Ses dispositions

d'avant-postes, près la Vistule et la rivière d'Igra, la valeur qu'il déploya et les services qu'il rendit à Pultusk, lui méritèrent la glorieuse décoration de l'ordre de St.-Georges 3me classe et un gracieux remerciement de Sa Majesté. En 1807, le courage et le zèle, dont il donna des preuves tant de fois réitérées, le 21 Janvier, à la retraite du bourg Olstein; le 22 et le 23 près du village Jankoff; le 24, en couvrant la retraite, le 25 en combattant à Hoff, où il reçut une forte contusion à la jambe, lui acquirent de nouveaux titres à la bienveillance de Sa Majesté, qui le décora de la croix de St.-Wladimir 3me classe. Dès qu'il fut remis de sa contusion, il revint à l'armée prendre le commandement de son régiment. Il combattit à Launau, le 27 Février; le 29 Mai, près Heilsberg; marcha du Bourg de Dreinfourte jusqu'à Tulpeck, du 2 au 6 du même mois. Le passage du Nièmen s'étant effectué le 7 et le 8, il revint alors en Russie. Sa Majesté le Roi de Prusse témoigna sa haute estime pour les services rendus contre les Français, pendant les campagnes de 1806 et 1807, par le général Dorochoff, en lui conférant l'ordre de l'Aigle-Rouge 1re classe. Son régiment, qui s'étoit montré si digne d'être commandé par un aussi valeureux chef, reçut de l'Empereur, son Maître, à la fin de cette guerre, des trompettes en argent, décorées du ruban et de la croix de St.-Georges, portant cette inscription: *Pour la Bravoure*; et en 1812, une patente, glorieux témoignage de son zèle pour le service, de sa bravoure dans les combats, et de ses immortels travaux.

En 1808, du 14 Avril au 16 Octobre, depuis le village de Krasnaja jusqu'au port de la Baltique; et en 1809, du 1er Mai au 23 Septembre, depuis Revel jusqu'à Narva, le général Dorochoff protégea les fortifications, élevées contre les forces combinées des flottes anglaise et suédoise.

L'année 1812, année où la guerre réunissant contre la Russie des moyens jusqu'alors inouis, ne versa sur elle des maux et des dangers

sans exemple, que pour élever sa gloire à toute la hauteur possible de la gloire humaine, devoit aussi porter à son comble celle du brave Dorochoff, et terminer d'une manière, digne d'un officier aussi distingué, sa brillante carrière militaire. Du 1er au 16 Juin, il préluda aux importans services, qu'il devoit rendre à son pays, dans sa dernière campagne, en manœuvrant sur la frontière, depuis Grodno jusqu'au bourg d'Allita, contre les avant-postes du quatrième corps de l'ennemi. Du 16 au 26, pendant la retraite, effectuée entre les deux corps d'armée de Davoust et de Jérôme Buonaparte, depuis le Niemen jusqu'au bourg Stalpsi, où il se joignit à l'armée d'Ouest, il ne cessa de donner des preuves de la valeur la plus intrépide, assuyant tous les jours le feu de l'ennemi, qui fit en vain les plus vigoureux efforts, pour empêcher la jonction. Du 26 Juin au 5 Juillet, par ordre du Prince Bagration, commandant en chef cette armée d'Ouest, il en protégea l'aile gauche jusqu'au fort Babrouisk. Du 7 au 21 Juillet, il marcha jusqu'à Smolensk, pour se joindre à la grande armée; servit dans l'avant-garde, le 27 près le village de Leschna; partagea tous les travaux et les dangers des 4, 5 et 6 Août à Smolensk; le 7, même mois, à l'arrière-garde de l'armée en retraite, fut blessé, d'un coup de feu, au bras gauche. Du 7 au 24, commandant la cavalerie de l'arrière-garde, il couvrit la retraite jusqu'à Borodino. Dans la bataille générale, près cette ville, dans cette journée du 26, où le patriotisme des Russes se manifestant tout entier, sembla doubler leur force pour tout endurer, leur courage pour tout oser, où, rivalisant de zèle, de patience et d'audace, soldats, officiers, généraux, tous acquirent des droits sacrés à la reconnaissance de leur patrie, aux bontés de leur Souverain, et réduisirent le plus grand des Monarques à l'impuissance de récompenser tant de mérites, à la nécessité de n'accorder qu'à des prodiges des marques sensibles de sa haute

satisfaction, Dorochoff mérita d'être compté parmi ceux qui eurent part à une si glorieuse distinction, et fut promu au grade de Lieutenant-général. Du 27 Août au 22 Septembre, il couvrit la retraite des troupes jusqu'à Moscou, se trouvant toujours sur les points les plus exposés. Le terme de sa vie militaire approche ; on diroit qu'il en a le pressentiment. Comme son ardeur pour le service de sa patrie semble croître, à proportion qu'il lui reste moins de temps pour la servir ! Le 6 et 7 Septembre, commandant un corps séparé, il défait, près Snamensk, quatre régimens de cavalerie ; du 7 au 13, dans les expéditions des chemins de Mojaïsk, il fait sauter les parcs, les équipages de l'ennemi, combat ses réserves, qui débordent sur la route de Smolensk. Le 13, il anéantit entièrement un détachement de gardes, composé de cavalerie et d'infanterie, commandé par le colonel Mortier. Le 29, il enlève d'assaut les retranchemens de Wéreyha. Un drapeau ennemi, est le trophée de cette victoire, une épée en diamans, portant cette inscription : *Pour Wéreyha délivrée* en est la glorieuse récompense. Le 6 et le 12 Octobre, sur le chemin de Borovsk et au village Faminskoi, il est journellement aux prises avec l'ennemi ; le 12 encore, dernier jour de sa carrière militaire, combattant à Malo-Yeroslavitz, vers la fin de l'affaire, il est atteint d'une balle, qui lui traverse le pied gauche d'outre en outre, et reçoit pour le dernier de ses travaux, la croix de St. - Wladimir 2me classe.

A son arrivée à St.-Pétersbourg, Sa Majesté, voulant lui donner de nouvelles et éclatantes preuves de l'importance qu'elle attacheoit aux services rendus par ce brave général, pendant la campagne de 1812, lui conféra l'ordre de Ste.-Anne 1re classe, et touchée de l'honorable pauvreté d'un zélé serviteur, qui s'étoit toujours trop exclusivement occupé du service de son Prince et de sa Patrie,

pour s'occuper jamais de sa fortune, lui assura pour la vie, les moyens de se procurer une plus douce existence.

Il n'a pas joui long-temps du prix de ses travaux; il est mort à Toula, dans la nuit du 25 au 26 Avril. Les habitans de Wéreyha ont exaucé les vœux, qu'il leur avoit adressés dans ses derniers moments; ils ont accueilli, arrosé des larmes de la reconnoissance, et religieusement déposé, près de leur église, dans le sein d'une terre, qu'il avoit défendue, les restes du guerrier généreux, intrépide autant qu'infatigable, qui avoit arraché leur ville à l'ennemi de la patrie.

Сія галерея выходить шепрадами одна за другою. Каждая шепрадь составлена из пяти портретовъ и при каждомъ портретѣ находится текстъ на российскомъ и французскомъ языкѣ. Цѣна шепради для подписавшихся 50 р. изъ которыхъ половина должна быть заплачена впередъ, а для неподписавшихся особъ 75 рублей.

Экземпляры будутъ раздаваться по порядку подписки.

Первымъ писаніемъ оплачивается всѣхъ сихъ портретовъ 20 только экземпляровъ. Цѣна симъ экземплярамъ перваго писанія удвадается.

Издатели извѣщаютъ подписавшихся особъ, что трудность доставать сіи портреты, не позволяетъ имъ представить ихъ публикѣ въ приличнѣйшемъ порядкѣ; но сія неудобность почти ничего не значитъ; ибо шепради не будутъ переплетены и всякой можетъ, послѣ послѣдней шепради, размѣстить всѣ сіи портреты по своему произволу.

Подписка принимается у книгопродавца **Антонія Роспини** на Невскомъ проспектѣ противъ Казанской церкви; у купца **Ивана Граби** въ домѣ Марса № 78 на Невскомъ проспектѣ и у гравера **Франца Вендромини** въ домѣ Древновскаго № 51 на правомъ берегу Мойки между Полицейскимъ и Конюшеннымъ мостомъ.

Особы, желающія видѣть рисунки, съ которыхъ портреты будутъ гравированы и удостовѣриться объ успѣхахъ сего изданія, могутъ, когда имъ угодно будетъ, пожаловать къ **Францу Вендромини**.

Три особы, которымъ поручено принимать подписки, ошвѣчаютъ за полденныя впередъ деньги.

Cette galerie paroît par cahiers successifs. Chaque cahier est composé de cinq portraits, et chaque portrait accompagné d'un texte, en russe et en français. Le prix du cahier est, pour les Souscripteurs, de 50 roubles, dont moitié doit être payée d'avance, et de 75, pour les personnes qui ne souscrivent pas.

Les exemplaires seront livrés suivant l'ordre des souscriptions.

On ne tire, de tous ces portraits, que vingt exemplaires avant la lettre. Le prix des exemplaires avant la lettre est le double du prix des autres.

Les éditeurs préviennent M. M. les Souscripteurs, que la difficulté de se procurer ces portraits les met dans l'impossibilité de les publier dans l'ordre le plus convenable; mais cet inconvénient est à-peu-près nul, puisque, les cahiers n'étant pas reliés, chacun pourra facilement, après la dernière livraison, transposer et classer tous ces portraits à son gré.

On souscrit chez **ANTOINE ROSPINI**, libraire, grande Perspective de Newsky, vis-à-vis l'église de Casan; chez **JEAN GRABIT**, marchand, maison Mars, no. 78, grande Perspective de Newsky, et chez **FRANÇOIS VENDRAMINI**, graveur, maison Drewnosky, no. 51, sur la rive droite du canal de la Moïka, entre le pont de police et celui des écuries.

Les personnes qui désireront voir les dessins, d'après lesquels les portraits seront gravés, et s'assurer des progrès de l'ouvrage, pourront, quand il leur plaira, se transporter chez **FRANÇOIS VENDRAMINI**.

Les trois personnes, chargées de recevoir les souscriptions, répondront de l'argent payé d'avance.
